

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ЛЮДИ КРЕПЧЕ СТЕН

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Окопная правда Победы. Романы,
написанные внуками фронтовиков

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Люди крепче стен

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е.

Люди крепче стен / Е. Сухов — «Эксмо», 2022 — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков)

ISBN 978-5-04-168113-5

Взятие немецкой Познани открывает советским войскам путь на Берлин. Но фашисты не думают сдаваться. Они защищаются до последнего, превратив город в неприступную крепость с бетонными укреплениями и невиданной ранее огневой мощью. На острие нашей атаки действует батальон майора Прохора Бурмистрова. Бойцы метр за метром отвоевывают у противника важное стратегическое пространство пока не упрутся в лабиринт древних каменных стен. Но остановиться – значит, сорвать наступление. Бурмистров решается на отчаянный шаг: если нельзя обойти эти стены, значит нужно пройти... сквозь них... Исключительные по своей правде романы о Великой Отечественной. Грохот далеких разрывов, запах пороха, лязг гусениц — страшные приметы войны заново оживают на страницах книг, написанных внуками тех, кто в далеком 1945-м дошел до Берлина.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168113-5

© Сухов Е., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	38
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

ОКОПНАЯ ПРАВДА
РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

Евгений Сухов
Люди крепче стен

© Сухов Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Неслучайная встреча

В начале 1944 года на фронте установилось некоторое затишье, протекали бои лишь местного значения, не менявшие общей картины сражений. Но уже в феврале был образован Первый Белорусский фронт и даже рядовому составу стало понятно, что грядет нечто серьезное: из штаба фронта на передовую зачастили инспектирующие офицеры, к линии разграничения с противником активно стали подтягивать танки и тяжелую артиллерию, а потрепанные в боях части направлялись в тыл на переформирование, вместо них пребывало из глубокого тыла пополнение.

Ожидания вскоре оправдались. В конце февраля правое крыло Белорусского фронта провело Рогачёвско-Желобинскую операцию, в результате которой войска вышли к Днепру, на правом берегу они отвоевали крупный плацдарм и освободили город Рогачёв. Эвакуационный госпиталь, в котором работала военврач Вера Колесникова, вошел в город вместе с передовыми частями Красной армии. Раненые поступали сплошным потоком. Госпиталь, рассчитанный на пятьсот человек, расширили поначалу до семисот коек, а через две недели увеличили до тысячи.

Работы было много, часто сложной. Требовалось поставить диагнозы поступающим, провести медицинскую сортировку. Если того требовали обстоятельства, раненым оказывали неотложную медицинскую помощь, после чего раненых и больных распределяли по лечебным учреждениям госпитальной базы.

Вера отвечала за прием раненых и больных, а также за их подготовку для дальнейшей эвакуации в тыл. Тут было много сложностей: бесконечно менялась боевая и медицинская обстановка, и даже в тылу, где, казалось бы, уже не встретишь немецких танков, нельзя было уберечься от бомбардировки. А еще катастрофически не хватало грузовых автомобилей, которые ездили на последнем издыхании, а потому нередко приходилось обращаться к командирам дивизий, чтобы помогли с техникой.

Дороги были разбиты бомбами, и путь до госпиталей часто выдавался долгим, отчего многие раненые, не дождавшись надлежащей помощи, умирали прямо по пути в госпиталь, что было горше всего. Могильные холмики с фанерными памятниками и со звездой на вершине виднелись на всем продвижении сортировочно-эвакуационного госпиталя.

Отправив очередную партию раненых в эвакуацию в глубокий тыл, старший лейтенант Колесникова вышла на свежий морозный воздух. Климат в Белоруссии был иным, нежели в Тобольске, где она проживала до войны. Там заснеженно и морозно. В местных же краях даже стужа то и дело прерывалась оттепелью, оставлявшей на белой глади снега черные проталины.

Дышалось легко. Полной грудью. В кармане полусмятая пачка папирос. Очень хотелось курить, казалось, что едкий дым хоть ненадолго помогал позабыть пережитое. Как-то незаметно для себя самой Вера заделалась заядлым курильщиком: сначала выкуривала папироску за компанию, потом в какой-то момент обнаружила, что табачный дым доставляет ей удовольствие, а немногим позже осознала, что без ощущения табачной горечи не может прожить и дня.

Невольно улыбнулась, вспоминая о том, с каким ужасом смотрела на нее мать, увидевшая любимую дочь с папиросой в зубах. Тотчас, не стесняясь присутствующих, она отчитала Веру за скверную привычку. Пусть нарекания прозвучали не столь категорично, с мягкими материнскими интонациями, по-интеллигентному, как это она умела, но Вере тогда стало немного не по себе.

– Что же мне сказать твоему отцу, профессору медицины? Его разлюбезная дочь стала заядлой курильщицей?

– Ну, мама... – пыталась оправдаться Вера.

– И знаешь, что он мне ответит на это? Он просто не поверит в сказанное! Он так и скажет: этого не может быть!

Казалось, что папироса в руках дочери расстраивает ее куда больше, чем незадавшееся замужество или прошлогодняя контузия, после которой Вера долго лежала на излечении. Как ей объяснить, что она уже не прежняя наивная девочка, что она уже взрослая, огрубевшая, а за месяцы, проведенные на войне, столько всего пережила и столько увидела неподдельного горя и острой боли, что всего этого хватило бы на несколько обычных жизней.

И вряд ли отец, который просто без ума от своей умницы-дочери, укорил бы ее за выкуренный табачок хотя бы одним, пусть даже мягким, словом.

– Доченька, ты же знаешь, что наша семья из потомственных врачей. А твой прадед был лейб-медиком у Александра Второго. И никто из них никогда не курил.

В словах матери присутствовала некоторая доля лукавства: в семейном архиве имелась фотография, где Андрей Павлович Абросимов, работавший в Первой градской больнице, сидел за письменным столом с трубкой в руках.

– А как же Андрей Павлович? – с милой улыбкой возразила Вера.

– Это было баловство, – нашлась матушка, раздраженно отмахнувшись. – По-настоящему он никогда не курил.

Вере пришлось демонстративно потушить папиросу в фарфоровой пепельнице и пообещать матери, что это был последний выкуренный табак в ее жизни.

Поначалу оно так и было. Длительное время Вера держалась, как могла. Но, когда на нее нахлынула новая волна переживаний, не удержавшись, закурила вновь. Теперь она дымила постоянно, и ей было невероятно стыдно перед матерью за нарушенное обещание.

Первый раз Вера Колесникова встретила с Прохором Бурмистровым, когда, стесняясь осуждающих взглядов на сигарету в руках женщины, она отошла подальше от госпитального корпуса и закурила, по-мужски крепко втянув в себя горьковатую струю табачного дыма.

– Девушка, а вы не подскажете, где тут приемно-сортировочное отделение?

Обернувшись, старший лейтенант Колесникова увидела высокого чернявого капитана с суровым лицом и твердым взглядом. Вот только когда их глаза встретились, черты его лица стали как-то мягче, лицо сделалось приветливым и сам он казался намного симпатичнее, чем в первые мгновения их встречи.

Невольно, чисто по-женски, больше интуитивно, Вера оценивала каждого понравившегося ей мужчину – получится с ним роман или нет? И вот сейчас ее истосковавшееся по любви женское сердечко вдруг запело: непременно получится, с этим парнем может сложиться очень красивый роман, о котором мечтает каждая романтическая барышня. То ли незнакомцу удалось прочесть ее грешные мысли, то ли он сам почувствовал нечто схожее с тем, что испытывала она, но он улыбнулся еще шире, обнажив два аккуратных ряда зубов.

– Это вон тот корпус, – охотно показала рукой Вера на двухэтажное здание, стоявшее по правую сторону от них. – Вход с боковой стороны. Нужно пройти прямо по коридору, а потом... Не найдете, – швырнув папиросу в сторону, добавила: – Давайте я вас лучше провожу.

– Так вы же не докурили, – обескураженно проговорил капитан. – Самая сладость осталась!

– Не до нее... Мне уже пора – и так задержалась. А потом, мне мама запрещает курить, нужно отучиться от этой скверной привычки, – серьезным тоном призналась Колесникова, чем вызвала у парня громкий и очень искренний смех.

Встречаются же такие парни, которые сразу нравятся. Ничего особенного для этого они не делают. Ведут себя естественно, быть может, чуток озорно и более раскованно, чем следовало бы, но ничего не можешь с собой поделать, – тянет к ним какой-то непреодолимой силой, и пропало женское сердечко!

Прошли в коридор, где вдоль стен стояли кровати с тяжелоранеными, а несколько легко-раненых, в основном с поврежденным плечевым поясом, уже отсортированные, стояли в стороне и дожидались скорой отправки в тыловой госпиталь.

В помещении пахло медикаментами, и отчетливо чувствовались приторный запах крови и тошнотворный – гноя.

– Вы кого-то хотели навестить? – поинтересовалась Вера, внимательно присматриваясь к лицу капитана.

Откуда берутся такие красавчики? Что за женщины их рожают? Видно, для того, чтобы вгонять девок в греховную радость. Вера почувствовала, как к лицу подступил жар, и очень хотелось верить, что шедший рядом капитан не заметит ее смятения.

– Друга навещаю... В грудь его ранило.

– Как его фамилия? – насторожилась Вера.

– Старший лейтенант Воробьев, – с некоторой надеждой на то, что ему удастся увидеть друга, отвечал новый знакомый.

– Его привезли вчера? – приостановилась Вера, выжидательно посмотрев на капитана. Слегка выступающие скулы, прямой нос с горбинкой, серые глаза с легким прищуром, острый взгляд, подбородок волевой, с крупной ямочкой посередине, рослый – на такого парня приятно смотреть снизу вверх, ощущать себя крошечной девочкой, чувствовать его защиту. Наверняка у него очень крепкие руки. Как хорошо положить ладони на его руки и пальцами почувствовать их силу.

До чего только не додумаешься, глядя на симпатичного, располагающего к себе парня. А все потому, что нет никакой личной жизни. Да и как можно думать на войне о чем-нибудь личном? Каждый день проходит, как в угаре, и в точности напоминает предыдущий – бесконечный поток раненых, которых нужно принять, прооперировать, о которых следует позаботиться. И для подавляющего их числа она и врач, и сестра, и даже мать в одном лице.

За время работы в госпитале через ее руки прошло такое огромное количество больных и раненых, что все они стали казаться ей на одно лицо. Помнились лишь особенно тяжелые и те, кого не удалось спасти. А упомянутого старшего лейтенанта с осколочным ранением в грудь она запомнила особенно хорошо. Не только потому, что в тот день находилась на приемке. Запомнилось его белое лицо, искаженное от испытываемой боли. Его ранение относилось к особо тяжелым, существовал риск, что повреждена диафрагма, в этом случае нарушается естественная граница между брюшной и грудной полостью. Как правило, процент выживших в подобных случаях небольшой. Старший лейтенант оставался в сознании, претерпевал невыносимые боли, что вызывало уважение к его мужеству, с каким он преодолевал страдания, – а ведь он должен был кричать от каждого вздоха.

– Я помню его, – негромко произнесла Вера, с сожалением вспоминая старшего лейтенанта. – У него было ранение в верхнюю половину груди, очень тяжелое. Легочной недостаточности не наблюдалось, он дышал хорошо. Мы его отправили первым же эшелонем. Такие, как он, едут в отдельном вагоне, он будет направлен в специальный торакоабдоминальный госпиталь.

– Ах, вот оно что, – тяжело выдохнул капитан. Его лицо помрачнело, а свет, еще какую-то минуту назад буквально лучившийся из его спокойных глаз, вдруг разом потускнел. – Может, обойдется? Есть надежда на выздоровление?

– Будем надеяться, что он поправится, – попыталась утешить Вера молодцеватого капитана. – Организм крепкий, а потом, за ним в поезде будет специальный уход. Ехать тоже недалеко.

– А куда его отправили?

– В триста шестой госпиталь. Он находится недалеко от железной дороги в Гомеле. На станции поезд уже будет поджидать госпитальные машины.

– Я вас понял... А я-то думал, что ему уже операцию сделали.

– У нас нет подходящего оборудования, и в наших полевых условиях мы не сумели бы предоставить ему необходимый уход.

– Понимаю, – невесело произнес капитан. – А как вас зовут?

Вопрос прозвучал неожиданно. Не самая подходящая ситуация для знакомства.

– Старший лейтенант медицинской службы Вера Колесникова, – официально представилась девушка, едва улыбнувшись.

– А меня просто Прохор, товарищ старший лейтенант.

– Тогда меня просто Вера.

– Я понимаю, вам нужно спешить. Вы не будете возражать, если я к вам зайду завтра вечером? – И уже после небольшой паузы поправился с досадой: – Ах, завтра вечером не смогу. А если послезавтра ближе к вечеру?

– А завтра вечером у вас другое свидание запланировано?

– Вообще нет, на фронте как-то не до романов... Просто... Просто мне нужно будет отлучиться на сутки. Вы не подумайте чего-нибудь такого... У меня чай есть очень хороший. Для особого случая берегу. Чайку попьем, а еще трофейный шоколад имеется.

Вера улыбнулась. Как мало нужно на фронте, чтобы уговорить девушку на свидание: пообещал ей трофейного шоколада, и она уже не устоит. Случись их знакомство в мирное время где-нибудь в районе Садового кольца, парень проявил бы куда большую изобретательность: достал бы билеты в театр, сводил бы в кино, цветами бы подарил, а тут трофейная плитка шоколада заменяет сразу весь ассортимент длительного ухода.

– Хорошо, от чая не откажусь. Вот если бы вы мне еще пачку немецких сигарет предложили, а то от нашей махорки у меня горло дерет, – честно призналась Колесникова. – А папиросы не всегда получается достать.

Прохор расплылся в добродушной улыбке.

– Принесу! – пообещал он. – Но, по мне, так это не курево вообще, а баловство одно. Лучше дедовского самосада ничего нет.

– Послезавтра я вас жду, – произнесла Вера и, попрощавшись, скорым шагом заторопилась в приемные покои.

Госпиталь размещался в районной школе, и сюда с ближайших фронтов свозили контуженых и раненых. Кроватями с прибывшими были заставлены все помещения, их размещали в коридорах, для них разбили две большие палатки во дворе, но количество раненых не уменьшалось.

На эвакуацию была определена большая группа из пятисот человек, среди которых половина была тяжелых. Ждали военно-санитарного поезда, но он по какой-то причине опаздывал. На войне длительные задержки транспорта дело обычное. Вероятно, что на каком-то участке разбомбили пути, и в настоящую минуту железнодорожные бригады занимаются их восстановлением.

У самого порога приемного отделения Веру остановил начальник госпиталя подполковник Борянский и со свойственной ему деликатностью заговорил:

– Вера, мне тут позвонили... Через полчаса должен подъехать санитарный поезд. От нашего госпиталя старшим поедете вы, – и, видно, рассмотрев на лице девушки нечто похожее на недовольство, добавил: – Поймите меня правильно, больше никому. Конечно, я хотел бы оставить вас здесь, но что поделаешь... Нужно! Ваша помощь, как высококлассного специалиста будет просто необходима! Не отправлять же мне старшину Лепёшкина присматривать за ранеными! – едва ли не в сердцах воскликнул подполковник.

– Все так, Егор Ильич, – ответила Вера, понимая, что не будет ни обещанного шоколада, ни встречи с понравившимся капитаном. А ведь она успела черт-те что себе напридумывать! Жаль, у них и в самом деле мог бы получиться очень красивый фронтовой роман.

- Так, значит, вы готовы, я оформляю документы? – с надеждой спросил Борянский.
- Конечно.
- Тогда у вас остается пятнадцать минут, чтобы собрать все самое необходимое, – произнес подполковник и, пожелав удачной дороги, заторопился по коридору.

* * *

Странная это штука – память. Вроде бы и поговорила с Прохором немного. Их знакомство не назовешь даже шапочным, но в память этот случайно встреченный капитан врезался так крепко, что не удавалось стереть никакими другими переживаниями. Видно, так и придется жить с этой занозой долгое время.

В чем же причина? Почему он не забывается? Мало ли было на фронте таких вот коротких встреч. Не перечсть! И никто из них не вспоминался: начисто стерлись из памяти, как будто бы их не было вовсе. А тут саднит сердце ноющей болью, и не знаешь, как унять душевную царапину.

А все потому, что Прохор не похож ни на кого другого, с кем ранее сводил ее случай. Вряд ли судьба предоставит второй такой шикарный шанс повстречать человека, который бы подходил ей по всем показателям, надуманным девичьей фантазией.

Последующие три месяца фронт неумолимо двигался на запад, а за ним, оставаясь во второй прифронтовой полосе, следовал эвакуационный госпиталь.

Следующая встреча с Прохором произошла неожиданно, на войне такое случается, а столкнулись они близ небольшой деревушки с символическим названием Счастливая. Что-то в облике майора, проходившего по другой стороне дороги, Вере показалось знакомым. Во всяком случае, осанкой, жестом, даже поворотом головы он очень напоминал ей Прохора. Вот только смущало его звание – ведь во время первой встречи он был капитаном. Но когда майор повернулся к ней лицом, то Вера невольно обмерла. Перед ней был Прохор! Бывает же такое...

На какой-то момент весь мир перестал для нее существовать, и сама она будто бы провалилась в какое-то безмолвие, где, кроме нее, существовал лишь Прохор, посматривающий на нее со сдержанным удивлением. Казалось, вокруг никого, не слышно было даже гроыхания танковой колонны, проезжавшей на предельной скорости по разбитому шоссе.

Из оцепенения Веру Колесникову вывел рассерженный гудок поцоканного осколками «Студебеккера», груженного ящиками с гранатами. Немолодой водитель с густой седоватой щетиной на сухих впалых щеках злобно выкрикнул:

- Чего тут встала на пути? Ведь задавят! Отойти с дороги!

Вера, опасаясь потерять из поля зрения Бурмистрова, отошла на обочину шоссе, по которому мимо нее колоннами в сторону фронта проходили маршевые батальоны. Новенькие, еще не знавшие солдатского пота гимнастерки резко контрастировали с обмундированием бойцов, шедших нестройными шеренгами на переформирование. Среди них было немало легкораненных – в основном в плечевой пояс, у кого-то было забинтовано предплечье, у некоторых кисти. Возможно, возвращение с фронта добавило им какие-то эмоции, вот только они совершенно никак не проявлялись на усталых лицах.

Прохор был оглушен неожиданной встречей не меньше Веры. Его губы дрогнули, он что-то произнес, но Вера не расслышала слов из-за проезжавшего мимо бронетранспортера.

- Я не поняла! – стараясь перекричать накатывающийся грохот, ответила Колесникова.

В какой-то момент они осознали, что находятся в самом водовороте дорожного потока: вот сейчас их сомнут, раздавят. Стоя друг напротив друга, они невольно образовали небольшой островок, и поток тяжелой техники деликатно огибал их плавной линией, как если бы опасался разрушить нечто хрупкое, установившееся между молодыми людьми.

- Давайте вот сюда, – махнула Вера в сторону деревушки, спускавшейся по косогору.

Проход кивнул и, пересекая дорогу, устремился к ней. Некоторое время они стояли молча. Вроде бы и сказать нечего. Лишь только подмечали перемены, произошедшие во внешности за время их разлуки. На левом виске Прохода пробивалась небольшая седина, что, впрочем, совершенно не портило его внешности, наоборот, белесая прядь придавала его лицу еще большую мужественность. В какой-то момент Вера подумалось о том, что за прошедшее время она невероятно подурнела и вот сейчас Проход с интересом отыскивает изъяны в ее внешности. Но Проход, широко улыбнувшись и словно отвечая на все ее страхи, уверил:

– Вы совершенно не изменились.

Вера поймала себя на том, что не может оторвать взгляда от его лица. Прямо наваждение какое-то!

– Очень на это надеюсь, – негромко ответила военврач, пытаясь унять накотившее волнение, которое буквально выплескивалось через край.

– Как-то мы с вами неожиданно расстались. А наше свидание не состоялось. – Брови майора насмешливо приподнялись. – Мне было очень жаль.

– Мне тоже, – честно призналась Вера. – А как ваш друг, старший лейтенант Воробьев? Вы нашли его?

– Живой... Комиссовали. Врачи говорят, что он чудом остался жив. Хочет пойти в школу учительствовать. Он ведь преподавателем истории до войны работал.

– Он очень мужественный человек.

– Всю жизнь был таким... А я о вас расспрашивал, мне сказали, что вы уехали. Мне тогда подумалось, что вы просто не захотели со мной встречаться.

– Это совсем не так. – Девушка виновато улыбнулась. – Мой отъезд и для меня был очень неожиданным. Нужно было сопровождать поезд с ранеными. И я очень жалела, что не смогла предупредить вас о своем отъезде.

– Значит, вы вспоминали меня? – Красивые чувственные губы парня растянулись в доброй улыбке.

Хотелось признаться, сказать так, как есть: что не забывала его ни на секунду с той самой встречи, как только увидела. Но вместо этого бесстыдно соврала с легкой лукавой улыбкой:

– Вспоминала... Иногда.

– А вам не кажется, что наша встреча произошла не случайно? Наши ангелы-хранители подсказывают нам, что мы должны быть вместе.

Именно так она и подумала, и было бы большой несправедливостью не воспользоваться шансом, предоставленным судьбой. Но вместо этого, чуть пожав плечом, отвечала:

– Я не смотрю так далеко, – и, разглядев в его темных глазах легкое разочарование, несколько поспешно добавила: – Но я рада вас видеть.

– Не принимайте меня за навязчивого человека, но мне бы хотелось с вами увидеться. Может быть, даже сегодня, что вы на это скажете? Где вы разместились?

– Недалеко от госпиталя. В деревенском доме.

– Вы по-прежнему служите в эвакуационном госпитале?

– Да. А вы где разместились?

– В бараке для офицеров, – махнул Бурмистров в сторону деревеньки, на окраине которой стоял длинный недавно срубленный барак с белесыми бревнами. – Мои соседи разъехались, так что я пока проживаю в комнате один. Дня через три двинется вперед и наша дивизия. – Так когда мы с вами увидимся? Может быть, часов в девять?

– Давайте лучше в десять, – ответила Вера. – Раньше я не освобожусь.

– Хорошо... Как мне вас найти?

– Моя изба вторая слева по главной улице. И еще вы обещали принести мне сигареты, – напомнила Вера с улыбкой.

– Я не забыл, – ответил Бурмистров. Расстегнув полевую сумку, он вытащил пачку немецких сигарет и протянул их Вере. – Берите, они ваши. Трофейные. Как меня заверили, это дамские сигареты. Мне почему-то верилось, что мы с вами еще повстречаемся, вот поэтому я и носил эту пачку сигарет для вас... С того самого дня, как мы с вами расстались, она лежала в сумке. Все думал, как только увижу эту милую девушку, так непременно передам ей. Хотя, конечно же, мне хотелось бы подарить вам розы.

Вера бережно взяла пачку сигарет.

– Я люблю георгины.

– Обещаю, что буду дарить вам георгины каждый день, – широко улыбнулся Бурмистров.

– Мне надо идти. Буду вас ждать, – произнесла военврач Колесникова. И быстро пошла в сторону двухэтажного здания с колоннами, к некогда бывшей господской усадьбе, где размещался полевой эвакогоспиталь.

Глава 2

Будь женой

Встретиться со старшим лейтенантом медицинской службы Колесниковой Бурмистрову не удалось. Нельзя сказать, что Прохор был так уж расстроен этим обстоятельством, но вот кое-какая щемящая досада присутствовала. Даже здесь, находясь на передовой, Бурмистров не был обделен женским вниманием. Порой такие встречи бывали совершенно случайными, всего-то на одну ночь в какой-нибудь деревушке, на коротком постое у одинокой женщины, которая, изголодавшись без мужской ласки, так дарила себя случайному солдату, как если бы это была последняя ночь в ее жизни.

А еще в таких ненамеренных встречах присутствовало нечто большее, чем плотское желание, частенько преобладала жалость, столь свойственная русским женщинам. Солдатик воюет на фронте, бьет врага, возможно, возвратиться ему домой не суждено, и жаркие объятия женщины должны быть некоторой благодарностью за его ратный подвиг. Возможно, ночь, проведенная в объятиях одинокой женщины, будет последним воспоминанием у смертного одра, прежде чем он смежит очи.

Однако Бурмистров никогда не забывал и свою юношескую любовь Полину, некогда ставшую для него настоящим наваждением. Прошлого уже не вернуть, и следовало жить настоящим, а сердце кровоточит и не желает успокаиваться! Казалось бы, забудь ее навсегда, заживи по-новому; теперь Полина чужая жена, вряд ли о тебе думает столь же часто, как ты о ней. Но безжалостная память порой подбрасывала ему картинки из прошлого, в которых Полина всегда находилась рядом с ним.

Война приучила к скорым расставаниям и мимолетным встречам, не оставлявшим в душе и следа, однако Вера не забывалась, и в часы недолгого отдыха он вспоминал шатенку с короткими волосами – старшего лейтенанта медицинской службы, – которая смотрела на него с таким интересом, какого он не наблюдал ни у одной женщины ранее. Молодая военврач зацепила, что было неожиданно для него самого.

Следующая встреча с Верой состоялась еще и потому, что он сам этого очень желал. Почему бы ее не отыскать? Ведь не на разных же фронтах воюют, а в одной армии. А потом, не так много эвакуогоспиталей. Если обойти каждый из них, то можно и отыскать девушку. В перерывах между боями, когда полк уходил на переформирование, Бурмистров тратил все свободное время на поиски едва знакомой Веры Колесниковой.

Госпиталь близ поселка Знахово, в который наведалься Прохор, разыскивая Веру, по счету был шестым. В предыдущих случаях, пряча глубоко смущение, он направлялся напрямик к начальнику госпиталя и спрашивал: «Не служит ли у вас старший лейтенант медицинской службы Колесникова?» На него посматривали с интересом, порой иронично. Случай был из банальных – в госпитале постоянно кого-нибудь ищут, а уж если речь заходила о девушке, то каждый второй представлялся ее родственником. Но, уважая погоны старшего офицера и три боевых ордена на широкой груди, один из которых был орденом Александра Невского, отвечали с пониманием и советовали обратиться в другой госпиталь. В одном из госпиталей, где Вера проработала три недели, ее помнили очень хорошо и не то в шутку, не то всерьез, стараясь сделать ему приятное, ответили, что между ним и Верой имеется большое сходство.

Прохор Бурмистров начинал понимать, что может не встретиться с Верой никогда, – текучка в госпитале была почти как на передовой: менялись начальники и их замы, бывало, что эвакуогоспиталь расформировывали или направляли на другие участки фронта. А военврачей при крайней необходимости командировали в полевые госпитали, откуда они подчас не возвращались – получали ранение или погибали. Так что отыскать нужного человека задача

была не из легких. Радовало лишь то, что находились люди, которые были с ней знакомы и отзывались о ней тепло, говорили с некоторой лукавинкой:

– Повезло же вам с сестрой.

Вера увидела Прохора в тот самый момент, когда он направлялся к начальнику госпиталя. Остановив проходящих мимо бойцов, Бурмистров пытался выяснить у них, где размещаются больничные корпуса, втайне надеясь, что желанная встреча состоится, и буквально был ошарашен, когда рядом услышал ее голос. Потребовалось немало усилий, чтобы скрыть свое ликование: обрадован, но не более того; встреча произошла случайно, так на фронте иногда случается. Возможно, что, когда они будут вместе, он расскажет любимой, каких трудов стоила ему такая «случайность».

И сейчас, немного волнуясь, Прохор Бурмистров подходил к избе, в которой находилась девушка. Надо же такому случиться – уж далеко не мальчишка, повидал немало, в глаза смерти смотрел не единожды, а тут у девичьей двери сердце заколотилось чаще.

Постучался в дощатую дверь. Дождаться пришлось недолго. В глубине помещения раздалась быстрые шаги, а еще через секунду шваркнула щеколда, и в проеме двери Прохор увидел Веру с сияющим лицом.

– Проходите, – слегка отступила девушка в сторону. – Я только что пришла с дежурства.

Прохор вошел в комнату. Тонко скрипнувшие половицы с головой выдавали его робость. Потолок низкий, хата небольшая. В стесненном пространстве он в полной мере ощутил неуклюжесть своего большого и сильного тела. Обратил внимание, что Вера переоделась – не иначе как к его приходу. У здания госпиталя она была одета по форме: в женскую слегка мешковатую гимнастерку и в юбку, на ногах темно-коричневые ботинки с облупленными носами. Сейчас на ней было однотонное простенькое синее платье из хлопка. Гибкую талию стягивал новенький узенький ремешок. Прохор невольно задержал взгляд на ее ладной фигуре, что не укрылось от Веры, сдержанно улыбнувшейся. Внимание гостя ей было приятно.

В легком платьице Вера выглядела особенно женственно. Нельзя сказать, что она была красива, самая обыкновенная, как и большинство женщин. Не холодная королева с надменным взглядом, спешащая где-то по противоположной стороне улицы, а девчонка со двора, своя и очень понятная, с которой можно с удовольствием пообщаться и знать, что всегда отыщешь в ее лице участие и понимание. Именно такие девушки бывают хорошими женами, а полюбив однажды, будут хранить верность всю жизнь.

Слегка приподняв холщовую сумку, что Прохор продолжал держать в руке, он несколько смущенно произнес:

– Тут бутылка вина. Досталась по случаю. Как знал, что вас встречу. Тушенка, шматок сала, хлеб, сгущенка. Все как полагается.

– А шоколад не позабыли? – спросила Вера, весело улыбнувшись. – Все девушки любят сладкое.

– Как же можно, – охотно откликнулся Прохор, расстегивая полевую сумку. – Вот и шоколад, – протянул он две плитки шоколада.

– Даже две... Меня так никто еще не баловал.

Бурмистров поймал себя на том, что ему было чрезвычайно легко с Верой. Улетучилось напряжение, какое возникает поначалу с малознакомыми людьми. Не было опасения сказать что-то не так, показаться смешным или неуклюжим. Все происходило просто и естественно, как случается с людьми, которые знают друг друга не один год.

Прошли в комнату. В центре помещения стоял круглый стол, на котором в небольшой плетеной вазочке лежал хлеб, а на дощечке – тонко нарезанные куски мяса. Вера его ждала, что было особенно приятно.

Разместились за столом. Девушка смотрела на него не отрываясь, так разглядывать могут только любящие женщины.

И опять Бурмистрову припомнилась Полина, ее быстрая походка когда-то просто сводила его с ума. Прохор едва не застонал от открывшейся душевной раны. Что же с ним такое происходит? Почему все не так? Почему он все время думает о женщине, с которой никогда не будет вместе? Что же у него за судьба такая? Так накрыло воспоминаниями, что и не выкарабкаться.

Но Вера была привлекательной, этого у нее не отнять. Ее робкая улыбка способна покориť даже самого стойкого мужчину. Взять бы ее в свои объятия, мять, тискать, наслаждаться ее теплом – так ему королеву подавай!

– Что это я вдруг тут расселась, – встревожилась Вера. – Вы ведь, наверное, голодны.

– Я тут немного перекусил...

– Может, перейдем на «ты»?

– Конечно, – охотно поддержал предложение девушки Прохор.

– Давай я сейчас разложу еду по тарелкам. Рис отварила... Знаешь, никогда особенно его не любила, а тут моя медсестра принесла пару горсточек и сказала, что он очень вкусный. Трофейный. Сварила его, и вправду рис получился очень лакомый. Я к нему еще морковь и лучок поджарила, – застучала она на плите сковородкой и ложкой, накладывая рассыпчатые рисовые зерна в алюминиевые плоские тарелки.

Поднявшись, Бурмистров подошел к Вере, торопливо постукивающей ложкой. Обхватил ее худенькие плечи. Сжимать ее в объятиях было приятно. Ощущал податливое женское тело; чувствовал, как ее тепло проникает в него и понемногу расходится по всему телу, повышая желания. Если так пойдет дальше, то он может просто воспалиться от девичьего жара. Девушка застыла. Теперь тарелка и ложка в ее руках были неуместными. Не смея пошевелиться, Вера осторожно посмотрела на Прохора, не спешившего разжимать объятия. Стояли не шевелясь, наслаждаясь близостью.

– Может, ничего не нужно? – слегка подсевшим голосом произнес Бурмистров. – Я не голоден.

– Хорошо, – ответила девушка и аккуратно, стараясь не расцепить нежные объятия, поставила сковородку с рисом на плиту. К ней столь же бережно придвинула алюминиевую тарелку, слегка звякнувшую.

Объятия в какой-то момент разомкнулись, но лишь для того, чтобы в следующее мгновение скользнуть по ее платью – нежно и одновременно уверенно, как может поступать только любящий мужчина. Пальцы остановились у талии, словно спрашивая дальнейшего дозволения, и, не почувствовав протеста, принялись неторопливо расстегивать узенький ремень.

Вера боялась пошевелиться, всецело, до самой последней клетки возбужденного разгоряченного тела, находилась во власти сильного мужчины, очень желанного. На сегодняшний день она его наложница, его раба, и он волен поступать с ней так, как ему заблагорассудится.

Расстегнутый и аккуратно свернутый ремень Прохор положил на стол рядом с нарезанным мясом, которого так и не отведал. Сейчас было не до того. Свет горевшей керосиновой лампы глубокими тенями падал на ее лицо, обнаженные плечи, грудь. Слегка отстранившись, Прохор заглянул в девичьи слегка затуманившиеся глаза. Вера представлялась ему загадочной и немного старше, чем была в действительности. Взгляд внимательный, немного строгий, такой бывает у учительницы старших классов.

«Самое время, чтобы избавиться от наваждения под названием Полина. Похоронить ее образ в закоулках памяти, безо всякой надежды на возвращение. Давно пора освободиться от навязчивых воспоминаний о прежней любви, продолжавшей тянуть его в прошлое и не дававшей возможности вздохнуть полной грудью и двигаться дальше. Остаться навсегда рядом с той девушкой, которая тебя любит по-настоящему. Чего тебе еще нужно? Ты же, как никто другой, знаешь, как больно оставаться нелюбимым».

Глаза Веры светились счастьем, так может смотреть лишь любящая женщина, способная ради обожаемого мужчины шагнуть в глубокий омут, пожертвовать собой. Ничего не станет требовать взамен, главное, чтобы любимый оставался рядом.

Некоторое время они смотрели в глаза друг другу, а потом Вера, словно опасаясь спугнуть свое неожиданное счастье, крепко обхватила Бурмистрова и, прижавшись к его груди, негромко произнесла:

– Любимый, как же я тебя давно ждала. Я вся твоя. Делай со мной что хочешь.

Ладони Прохора заскользили по узкой девичьей спине, а потом медленно, как бы наслаждаясь каждым прожитым мгновением, стали приподнимать платье, оголяя красивые ноги, обутые в тяжелые ботинки.

– Не торопись, мой родной... Я сама.

Вера аккуратно принялась расстегивать пуговицы у самого воротника, все более обнажая мраморную крепкую грудь.

– Ты чего так смотришь? – смутилась военврач под пристальным взглядом мужчины. – Что-нибудь не так? Нам просто выдали такие лифчики, мне пришлось немного их ушивать, иначе неудобно. Спасибо и на этом, а ведь в начале войны даже женской одежды не было. В мужских трусах ходили.

Прохор улыбнулся:

– Я не о том... Просто смотрю, какая ты прекрасная, и не могу на тебя наглядеться.

– Мне никто не говорил таких красивых слов, – смутилась Вера. Расстегнутое платье обнажило желанное девичье тело.

– Это только начало, – серьезно пообещал Бурмистров, – самое интересное у нас впереди.

Подхватив девушку на руки, Прохор пересек комнату и бережно положил ее на панцирную кровать, аккуратно принявшую легкую ношу.

– Нужно задернуть занавески, – подсказала Вера. – С улицы нас могут заметить. У меня ведь ни с кем ничего подобного не было...

– Нам некого бояться, теперь мы с тобой всегда будем вместе, – пообещал Прохор. – Но все-таки задерну. Боюсь, что такую красавицу, как ты, у меня может кто-то украсть.

– Прохор, я у тебя все спросить хотела, да как-то не решалась... А куда ты должен был пойти на следующий день, когда мне назначал свидание на послезавтра?

– Ревнуешь? – с улыбкой спросил Бурмистров.

– Только самую малость.

– В разведку должен был пойти. Не знал, вернусь ли... А огорчать тебя не хотел. Если бы не пришел, тогда бы ты решила, что я раздумал, и больше бы обо мне не думала. А может быть, забыла бы совсем.

– Тебя трудно забыть.

Прохор подошел к окну. Через распахнутую форточку в комнату пробивалась свежесть вместе с запахами цветов, разросшихся в округе. Забравшись на самый верх небосвода, огромная луна освещала бледно-мертвым сиянием окрестность. Дорога пустынная, не слышать проходящего транспорта, только где-то вдалеке, совершая какие-то маневры, грохотала бронированная техника.

Задернув занавески, Бурмистров вернулся к кровати, на которой поверх тонкого байкового одеяла лежала обнаженная девушка, совершенно не стесняясь белоснежной притягательной наготы. Аккуратно сложенное платье лежало на старой табуретке. Протянув к Прохору руки, Вера произнесла:

– Иди ко мне, мой желанный. Только не торопись, я хочу, чтобы эта ночь продолжалась бесконечно.

– Мне этого тоже хочется так же, как и тебе... Мне некуда торопиться, милая.

Обнаженные, наэлектризованные близостью, устроились рядышком, как оголенные провода, способные выстрелить искрой...

– Кажется, наконец я нашел свой дом, – признался Бурмистров.

– Ты, наверное, так говорил всем женщинам, которые тебе нравились.

– Я такое сказал впервые. – Дотянувшись до гимнастерки, Прохор вытащил из кармана небольшой кусочек алюминиевой проволоки и попросил: – Дай мне свою ладонь.

Вера протянула руку. Обернув кусок проволоки вокруг ее пальца, Прохор сказал:

– Это кольцо.

– Более прекрасного кольца мне не доводилось видеть за всю свою жизнь, – сказала Вера, разглядывая на пальце кусок алюминия.

– Теперь мы с тобой помолвлены.

– Как-то все очень быстро. Ты подумал?

– На войне все делается очень быстро. Но дело даже не в этом... Я очень долго тебя искал. Когда война закончится... мы с тобой распишемся. Ты согласна быть моей женой?

– Мне хочется кричать от счастья, но почему-то на глаза наворачиваются слезы. Как хотелось бы засыпать в твоих объятиях, жалко, что это невозможно.

– Когда-нибудь это так и будет. Обещаю тебе.

Глава 3

Завтра атака

На очереди был форт «Радзивилл». Стоявший неподалеку, но спрятавшийся в ночь, он выглядел почти недосыгаемым. Следовало пройти через несколько улиц, где каждый дом представлял собой отдельно взятую и хорошо оборудованную крепость. Завтрашнее утро для бойцов инженерно-саперного батальона начнется со штурма...

Некоторое затишье, наступившее в Познани, не могло не радовать. Но бои в отдельных частях города не прекращались ни на минуту, отдыхать немцам не давали. Сейчас затяжной бой с применением минометов завязался глубоко в немецком тылу, где-то на окраине местечка Ротай. Окруженный, уже разделенный штурмующими соединениями на многие части, город продолжал упорно сопротивляться. Следовало отдать должное упрямству немцев: сдаваться они не собирались, и походило на то, что они рассчитывали драться до последнего солдата.

В городе возникло множество раздробленных очагов сопротивления. Окруженные части пытались пробиться к основным силам или вырваться из города. Немногим из окруженцев все-таки удавалось пробиться через плотное кольцо осаждающих, но они быстро уничтожались артиллерией и добивались пехотой. Однако накал сопротивления не ослабевал, наоборот, во многих местах он только усиливался. Причина была проста: немцы, зная город, скрытно передвигались переулками и парками на подмогу к сражающимся. Дома, стоявшие впритык друг к другу, имели пути сообщения, что также позволяло незаметно передвигаться от одного участка города к другому. Огромное количество коммуникаций, проложенных под городом, давало немцам возможность целыми подразделениями и совершенно внезапно появляться в тылу и в труднодоступных местах. Их штурмовики вступали в скоротечный бой с пехотой, наносили ощутимые удары тыловым подразделениям и так же неожиданно скрывались.

Теперь, захватив значительную часть коммуникаций, следовало использовать подземные тоннели уже против немцев.

В какой-то момент Бурмистрову показалось, что стрельба утихает, однако через минуту обстрел неожиданно усилился, но в этот раз в перестрелку вмешалась полковая артиллерия – в упор и под прикрытием дымов она расстреливала укрепленные гнезда.

Засыпалось скверно, все думалось невесть о чем: о фрицах, о семье, о любимой женщине. Казалось бы, нужно думать о том, как выполнить поставленную задачу с меньшими потерями и при этом уцелеть самому, а на ум приходили лишь воспоминания о женских нежностях, и это так бередило душу, что невольно сводило от болезненной тоски скулы.

Своими думами о доме майор Бурмистров никогда ни с кем не делился. Скверная примета! Он и сам терпеть не мог, когда бойцы заводили разговоры об отчем доме, о семье, что означало лишь одно – человеку в затылок задышала костлявая, и каждый, кто слушал такие рассуждения, мог оказаться в ее орбите, а потому они старались поскорее покинуть собеседника.

Как тут не поверить в приметы, когда каждая минута может оказаться последней. Чтобы перехитрить курносую, у каждого бойца имелась своя верная примета: кто-то, пренебрегая новой гимнастеркой, носил старую, занашивая ее до дыр, считая, что она сумеет уберечь его от гибели; кто-то мастерил оберег из осколка снаряда, не убившего его, но серьезно ранившего. Был такой талисман и у Бурмистрова – в кармане гимнастерки он всегда носил патрон из первой обоймы, выданной на фронте. Через сколько боев прошел, сколько всего было пережито, а патрон по-прежнему лежал в верхнем кармашке гимнастерки, сберегая от беды своего хозяина.

Но одну традицию все бойцы соблюдали свято: никогда не брились перед боем. За время боестолкновений лицо порой покрывалось густой щетиной, однако командиры, понимая

важность приметы, не слишком журили за внешний вид, особенно когда утро должно было начаться с наступления.

В Познани, как уже было заведено, всякий следующий день начинался с пятнадцатиминутной артподготовки, после которой шли вперед штурмовые отряды.

Батальон расположился в бывшем цеху швейной фабрики. Прохор вытянулся на дощечках, заботливо разложенных ординарцем, но уснуть не мог, хоть ты тресни. Он лежал, глядя в растерзанный, весь в трещинах потолок второго этажа, который каким-то неведомым образом продолжал держаться и не желал рассыпаться, а в голову лезла всякая бестолковщина, в которой трудно было бы признаваться в кругу боевых товарищей.

На фронте вообще следовало бы думать поменьше. Ни к чему хорошему долгие размышления не приводят, непременно вспоминаются эпизоды из мирной жизни, где было беззаботно и сладко, а такие мысли расслабляют. Так ведь и пулю в лоб можно схлопотать по рассеянности.

Поднявшись, майор Бурмистров зашагал по разбитому коридору в противоположный конец здания, где со своей группой разместился Михаил Велесов.

– Товарищ майор, вы куда? – поспешил за Бурмистровым ординарец. Петр, конечно, хлопец неплохой, надежный, но порой бывает чересчур назойливым.

– Послушай, Колисниченко, скоро я у тебя разрешение буду спрашивать, прежде чем куда-то отправиться. – И, заметив, как ординарец обиженно поджал губы, Прохор примирительно добавил: – По делу мне нужно к капитану Велесову. А ты давай поспи, пока есть такая возможность. До утра совсем недолго осталось. Штурмовать крепость будем!

Петр Колисниченко хотел что-то произнести, но, натолкнувшись на строгий взгляд майора, поплелся в свой угол.

Михаил Велесов не спал, при свете огарка свечи писал письмо. С первого взгляда было понятно, что письмо предназначено для Полины: его хмурое лицо разгладилось, а из потемневших усталых глаз пробивался блеск. Выглядел помолодевшим, как если бы сбросил с плеч пяток гнетущих лет.

Увидев подошедшего Бурмистрова, он сложил исписанные листы бумаги и аккуратно спрятал их между двумя тетрадами с потертыми обложками. В них кроме письма Полине были стихи, которые он последние пятнадцать лет записывал в тетрадь, надеясь когда-нибудь опубликовать. Юношеское баловство, через которое прошел едва ли не каждый второй мальчишка, переросло в серьезное дело, которому, как он однажды признался, хотел бы посвятить жизнь.

Михаил стеснялся своего увлечения. Невероятно конфузился, когда Бурмистров расспрашивал у него про стихи. Не самое подходящее дело для боевого офицера марать страницы четверостишиями, когда вокруг грязь и кровь.

Спрятав смущение за деловой озабоченностью, Михаил застегнул полевую сумку и внимательно посмотрел на подошедшего Прохора. Присев рядом на кирпичи, кем-то заботливо сложенные, Бурмистров, не сказав ни слова, достал табачок и привычно-проворно свернул длинную сигарку. Михаил тоже молчал. Каждый думал о своем. И в то же время они находились рядом, чувствовать плечо друга, несмотря на всю сложность в их взаимоотношениях, было приятно. Их многое связывало, включая огромный пласт гражданской жизни. Долгое молчание не тяготило.

Неожиданно в городе установилась тишина. Боевые действия сошли на нет. Хлопали лишь отдельные разрывы. Им отвечали столь же вяло, а потом наступила абсолютная продолжительная тишина. Подольше бы так. Вот только фрицев без пальбы не потеснить, а значит, утром начнется стрельба, от которой будут лопаться барабанные перепонки.

– Ты чего не спишь? – докурив сигарку, наконец спросил Велесова Бурмистров.

– Не спится.

– Мне тоже. Нам завтра брать квартал.

– Знаю.

– У меня идея, как нам лучше это сделать.

– Поделись.

– Нам нужно дойти до форта «Радзивилл»...

– Но ни одна улица не идет к нему по прямой, все полукругом. Как тогда? Не через дома ведь? – возразил Велесов.

Бурмистров улыбнулся:

– Как раз через дома и через стены. Ты послушай... Я уже договорился с командованием на эту тему. Мой план одобрили. Отряды усилим до шестидесяти человек. Увеличим дополнительный штат химиков, пойдем под прикрытием дымовых завес. Пойдем двумя группами. В каждой будет самоходка или танк, а еще полковые пушки. В городских боях весьма полезное оружие. Ты атакуешь вдоль улицы, а я пробиваюсь через дворы и здания по прямой к форту. Взрываем стены и через них двигаемся вперед. Идем все время параллельно и поддерживаем друг друга огнем. В обеих группах будут огнеметчики. Я со своей группой проверяю дома. Самоходки пробивают стены в доме...

– А сумеют?

– Вот что я тебе скажу, – негромко произнес майор Бурмистров, в упор посмотрев на Велесова. – Самоходки и танки в городе – это страшная сила, если они идут под прикрытием пехоты. Чтобы фаустникам их подбить, нужно сначала выглянуть из окна, прицелиться и постараться попасть по движущейся цели. А пехота дожидаться не станет, пока кто-то прицеливаться будет, она палит сразу из всего стрелкового оружия, что у нее есть. Значительная часть фаустников отстреляется, не причинив «коробочкам» вреда, а те гранаты, что достигают брони, не всегда уничтожают экипаж. Да и с прицелом у фаустников не очень... Они ведь тоже понимают, что по ним стреляют, кто же даст им свободно залечь?

– Согласен, – охотно поддержал друга Михаил Велесов.

– Группа захвата заходит в здание и уничтожает всех, кто там есть, – продолжал Бурмистров. – А ты параллельно со мной идешь по улице со своей группой. Бьешь из танков и пушек по чердакам и окнам, где будут выявлены огневые точки. Уничтожаешь их и двигаешься дальше.

– Мы тут на один склад натолкнулись, а там фаустпатроны штабелями упакованы. Вещь серьезная, уже испытали – толщину стен сантиметров на восемьдесят пробивают, для города они в самый раз будут, – заверил Велесов, воодушевляясь идеей товарища.

– Все так. Вижу, что понял. Фаустпатронами тоже запасись, пригодятся. Стены хорошо пробивают... Ладно, пойду к себе, – сказал Бурмистров, поднимаясь. – Я видел, ты письмо писал... Передай от меня привет Полине.

– Она будет рада.

Глава 4

Артиллерийская прислуга

Утро началось с артиллерийского обстрела крепостей. В этот раз залпы были более впечатляющими и значительно громогласнее, чем раньше, – на выручку подоспела тяжелая артиллерия, доставленная накануне в Познань прямо с платформ на позиции. Особенно досталось «Цитадели», и под ее башнями и стенами повисла завесь из плотного черного дыма и песка.

Вскоре отдельные залпы переросли в один протяжный нарастающий свистящий гул, к которому примешался выворачивающий нутро вой летящих снарядов, – то били реактивные снаряды «катюш».

Час назад командир инженерно-саперного батальона майор Бурмистров собрал командиров рот, взводов и обстоятельно разъяснил предстоящие задачи:

– Разведгруппе удалось засечь в полосе наступления и в глубине обороны немцев двадцать шесть огневых точек, не выявленных раньше. Мы их нанесли на оперативные карты и передали артиллеристам. Они обещали нам существенно помочь. Будут бить из тяжелых орудий. После завершения артналета нам нужно пройти через все улицы и вплотную подойти к форту «Радзивилл». Как лучше это сделать? Саперы подползают к самым стенам форта, взрывают их, а штурмующие группы продвигаются через проемы дальше. Огня по атакующим следует ждать откуда угодно: из амбразур в подвалах, из люков на дороге, из окон домов, но наша главная задача – идти вперед и нигде не останавливаться. Взрывать все, что мешает продвижению. В этом нам помогут приданные нам танки. Огнеметчики выжигают на своем пути все живое: каждый угол, каждый подвал, каждую щель.

За прошедшие десять дней бойцы успели немало поднатреть в тактике городского боя, используя гранаты как главный аргумент в противостоянии врагу. Городские бои не идут ни в какое сравнение со сражениями на открытой местности, где видна граница соприкосновения между враждующими сторонами. В городе такого рубежа не существует, а потому жди пулю из-за любого угла, часто в спину.

Большая часть командиров, пришедших с Прохором к Познани, убыла – кто из-за ранения, а кто остался лежать в одной из братских могил. Их места заняли другие, в своем большинстве успевшие побывать в серьезных сражениях, а те немногие, что призывались с тыла, учились быстро – через несколько дней интенсивного боя они становились настоящими солдатами. Война для них – бывших трактористов, студентов, разнорабочих – стала привычным делом, и разбирались они в нем совсем неплохо, если гнали немцев от Москвы через всю Россию к Берлину.

– Как выйдем к «Радзивиллу», занять позиции как можно ближе к форту. А дальше лупить по стенам прямой наводкой. Стены крепкие, иначе не пробить. И еще... старайтесь захватывать сразу верхние этажи. Это нужно для того, чтобы не дать немцам возможности сбежать через крыши. А еще по пожарным лестницам да по чердакам к ним может подойти подкрепление. Параллельно с нами по улице будет идти штурмующая группа капитана Велесова, при необходимости она поддержит нас танковым и орудийным огнем. Вопросы есть? – внимательно посмотрел старший офицер на собравшихся командиров.

При свете коптящей керосиновой лампы лица присутствующих выглядели особенно сосредоточенными, важность предстоящего боя понимал каждый.

– Если все ясно, тогда давайте разойдемся по позициям. Донести сказанное мною до всего личного состава.

* * *

Еще через полчаса штурмовые группы, усиленные батареями 76-миллиметровых дивизионных пушек, огнемётными расчетами, средними танками «Т-34», подошли вплотную к линии разграничения, понимая, что сейчас немцам не до них: едва ли не весь личный состав форта пережидал артобстрел, попрятавшись в подземные укрытия.

Времени до прекращения артобстрела оставалось немного – ровно столько, чтобы выкурить папиросу, а потому смолили нещадно, поглядывая из-за укрытий на разрывающиеся снаряды. Впереди был мрак, под ногами вздрагивала земля, через пыль, поднимающуюся к небосводу, были видны здания, разлетающиеся на куски; клубы черного тяжелого дыма, стелившегося над городом; всполохи огня, бревна, балки, плиты, разлетающиеся по сторонам. Все то, что какое-то мгновение назад называлось жилищем.

Артиллерийский огонь прекратился столь же неожиданно, как и начался. Возникшая тишина показалась оглушительной, невероятно тяжелой, давила на плечи могильной плитой, грозила распластать. Что-то в ней было противоестественное, чужое. На войне такие перепады грохота и тишины происходят редко. Отвыкаешь даже от обычной тишины, воспринимаешь ее как нечто чужеродное. И когда в воздух с шипением взлетели красные ракеты – сигнал к атаке, каждый из бойцов почувствовал нечто похожее на облегчение.

– Вперед! – махнул рукой майор Бурмистров.

Танковый экипаж, стоявший неподалеку, отреагировал мгновенно: с бронированной поверхности танкисты дружно сорвали маскировочную сеть и расторопно, очень ловко юркнули через люки в башню. Напоминая о себе, танкисты шарахнули в верхний этаж углового здания кумулятивный снаряд, и, крутанувшись, увлекая за собой атакующих, «Т-34» двинулся к соседней улочке, с которой предстояло начинать штурм.

Артиллеристы сбросили брезент с пушки и принялись толкать ее через колдобины вперед, как если бы рассчитывали догнать удаляющийся танк.

Следовало пробиться к противнику в тыл, взять его в клещи, обезоружить внезапно, обескуражить наглостью. Прямого пути в тыл не существует, а потому нужно пробиваться через дворы, проламывать стены домов и через проемы двигаться к следующей цели.

Пригнувшись, Бурмистров устремился за танком, за ним, поглядывая по сторонам, бежали штурмовики. Впереди ударила автоматная очередь и, встретив на своем пути лобовую плиту танка, ушла вверх. Под прикрытием брони, прижавшись к левой стороне дороги, штурмующие чувствовали себя уверенно. В верхних этажах здания на правой стороне улицы Бурмистров заметил фигуру, стоящую у окна, и, не целясь, зная, что ствол направлен верно, произвел короткую очередь. Фигура пропала, но в соседнем окне появилась громоздкая и нелепая труба фаустпатрона, нацеливающаяся прямо на танк, выскивающий впереди пулеметные гнезда.

Несколько автоматных очередей размолотили оконную раму, колючей кирпичной крошкой обсыпали стрелка с фаустпатроном. Фаустник завалился в глубину комнаты, а сбившийся прицел направил снаряд высоко вверх. Пробив черепичную крышу соседнего здания, снаряд взрывной волной раскидал в переулки черепичные осколки и выставил наружу единственное уцелевшее оконное стекло.

Далее по улице тянулись огромные завалы из обломков стены, отвалов кирпичей. Сюда же свезли тяжелую разбитую технику, оцитинившуюся во все стороны покореженными углами. Хорошо бы, чтобы баррикаду взорвали саперы, оставив от нее лишь щебень, но немцы устроили такой плотный огонь, что не подойти даже на двадцать метров.

Обстрел штурмовой группы заметно усилился – к немцам подошло подкрепление, и теперь они долбили наступающих из тяжелых пулеметов, не давая продвинуться даже на пару метров. Раскаленный свинец, выбивая задорную чечетку по брусчатке, раскидывал во все стороны колючие гранитные осколки, резавшие лицо, болезненно бившие по рукам.

Спрятавшись за разбитый лафет гаубицы, майор Бурмистров развернул карту. Нужно было зайти немцам в тыл, а они находились на узенькой улочке, где танкам не развернуться и не пройти.

– Где батарея? – спросил Прохор у заместителя, присевшего рядом.

– В соседнем дворе, – утер он ладонью со лба кирпичную пыль.

Впереди через брешь разбитого здания виднелся форт «Радзивилл» – низкое бетонированное строение в три этажа со множеством оконцев, окутанных черным дымом, через которые пробивались вспышки выстрелов. Майор Бурмистров развернул карту и пометил карандашом отбитые у немцев здания.

– Как лупят! – посетовал Бурмистров. – Подбитую самоходку перед воротами форта видишь? – спросил он заместителя.

– Так...

– Нам нужно выйти к ней.

– И каким же образом? Тут все улицы вкруговую идут, и нет ни одной из них, чтобы была прямая. Через стены, что ли?

Сложив бережно карту вчетверо, майор Бурмистров широко улыбнулся:

– Правильно говоришь. Через стены и потопаем.

Стараясь не угодить под летящие роем пули, осторожно отползли назад, свернули за угол, где, ревя мотором, стоял танк.

– Так что скажешь, майор? – выглянул из командирского люка старший лейтенант с закопченным пороховой гарью лицом, отчего он казался старше, чем был в действительности. – Куда нам дальше?

– Потерпите, будет для вас работа, – успокоил Бурмистров танкиста, перекрикивая рев мотора.

Все проходы к немцам в тыл заблокированы: где-то сооружены баррикады из каменного лома, где-то завалены разбитой тяжелой техникой, а в некоторых местах из-за завалов переулки вообще превращались в настоящие крепости, которые придется брать затяжным боем и с большими потерями, что никак не входило в планы советских солдат.

Артиллеристы в сопровождении группы автоматчиков, впрягаясь в бронированное неподъемное железо, терпеливо продолжали тянуть пушки, чтобы выйти на позиции. В какой-то момент, попав под интенсивный стрелковый огонь, попрятались за железо и вместе с автоматчиками ответили встречным огнем.

Штурмовики старательно расчищали дорогу артиллерийской прислуге, толкавшей пушку: обстреливали каждый подступ к намеченной позиции, действовали нагло, грамотно, дерзко перебежали от одного укрытия к другому, навязывали ближний бой.

– Тормози! – через грохот боя донесся голос командира орудия, девятнадцатилетнего безусого сержанта.

Командир отделения штурмовиков подал сигнал, и автоматчики, образовав полукруг, стали контролировать подходы к орудию.

Артиллеристы, прячась за броню дивизионной пушки, развернули орудие.

– Заряжай! Осколочно-фугасный! – выкрикнул сержант. Ствол повернулся, выискивая в черном непроглядном дыму цель. В следующую секунду коротко прозвучала команда: – Огонь!!

Снаряд выбил над крышей кусок стены, осыпав осколками половину этажа.

– Заряжай... Огонь! – командовал сержант.

Стараясь не угодить под встречный огонь, орудие силами расчета быстро откатили под стену дома. Выбрав очередную цель, сержант привычно скомандовал:

– Огонь!!

Автоматчики завершили начатое: проворно заскочили в подъезд разрушенного дома и, не жалея наступательных гранат, закидали тех немногих, кто вел из глубины помещения беспорядочную стрельбу.

На соседней улице то и дело раздавались разрывы, группа Велесова медленно, но неумолимо двигалась в сторону форта «Радзивилл». Автоматные очереди не прекращались – шел ближний бой, он то усиливался, перетекая в остервенелый, а то вдруг, следуя каким-то непредсказуемым правилам войны, начинал ослабевать. Было слышно, что немцы контратакуют, и тогда трескучие очереди немецких десантных автоматов раздавались едва ли не в глубине позиции капитана Велесова. Неожиданно стрельба прекратилась и, заполняя паузу, вдруг зазвучали орудийные раскаты советских полковых пушек.

Все перемешалось. Трудно было понять, в каком месте наступают свои и на каких участках обороняются фрицы.

В соседнем здании звучал интенсивный автоматный огонь – добивались последние очаги немецкого сопротивления.

Неожиданно из подвалов бахнул выстрел из фаустпатрона, снаряд, взорвавшись в противоположном здании, похоронил под обломками обрушившейся стены двух бойцов. Расплата пришла незамедлительно. Огнеметчик с плоским металлическим баком на спине, в сопровождении двух автоматчиков, сунул в жерло амбразуры пистолет и нажал на курок.

– Получай, гад! – стиснул он челюсти.

Огненная струя под силой избыточного давления выстрелила в проем, и отблески возникшего внутри пожарища пробилась через многие трещины едва державшейся стены. Некоторое время из глубины подвала раздавался отчаянный предсмертный вопль, но вскоре он затих. В нос ударил приторный запах смеси бензина, загустителя и горелого мяса.

Густой черный дым окутывал в непроницаемые покрывала строения, фигуры мелькающих людей, тяжело двигавшуюся технику; толстым покровом стелился по земле и не желал подниматься. Лишь при разрывах снаряда в дыму образовывались заметные бреши, которые вскоре затягивались, как если бы их не было вовсе.

– Товарищ майор, – подскочил к Бурмистрову командир первой роты старший лейтенант Селезнев. – Дом взят. Действовать согласно утвержденному плану?

– Отставить! – проговорил майор Бурмистров.

Подвал все разгорался. Из окон и амбразур, еще недавно служивших пулеметным гнездом, валил черный едкий дым – горела сложенная в штабеля резина. Хлопья тяжелой гари, подхваченные легким ветерком, липли к стенам зданий, делая их еще чернее, на бушлаты бойцов, на их лица; забивали глотку и затрудняли дыхание.

Старший лейтенант удивленно смотрел на майора Бурмистрова: «Все согласовано, утверждено, что еще нужно? Немец находится рядом, осталось только дубасить его из всех орудий, не давая передохнуть, и вбить его в землю так, чтобы он больше не поднялся!»

– Зайдем немцам в тыл, – пояснил Прохор. – Туда, где они нас не ждут. Все подходы и дороги к крепости заблокированы. Будем пробиваться через стены.

– Понял, товарищ майор, – широко заулыбался старший лейтенант.

– Мы пробиваем стену, а ты со своими автоматчиками бьешь немцев в крошку и едешь дальше! Блокируешь все подступы к стенам, чтобы дать возможность сработать артиллерии и саперам. Уяснил?

– Так точно, товарищ майор, – охотно откликнулся командир роты.

– А теперь ваше слово, артиллеристы, – повернулся он к командиру расчета, внимательно вслушавшегося в разговор. – Бьешь в то здание на уровне первого этажа, – показал он на дом,

стоявший на противоположной стороне. – Делаете в нем такую дыру, чтобы танк проскочил с ходу! А если не сумеешь, так саперы тебе помогут. Главное – начать!

– Разрешите исполнять?

– Приступай! – скомандовал майор.

Первый выстрел, как и полагается, артиллеристы произвели дымовым зарядом, тотчас наполнив едким удушливым дымом окружающее пространство, спрятав от возможных наблюдателей артиллерийские позиции и штурмовиков, подтянувшихся поближе к зданию для последующей атаки. А дальше, разбивая толстые стены средневековых зданий, заколотили осколочно-фугасные снаряды. Пробив стену, осколки разлетались в помещении, уничтожая сопротивлявшихся гитлеровцев. Штурм с тыльной стороны здания, где размещались жилые помещения, был для них неожиданным. Стараясь спастись, бежали из атакуемого здания через дыры в стенах и попадали под автоматные очереди.

Опытный расчет работал слаженно, выпустив три прицельных снаряда – ровно столько, чтобы не провести значительные разрушения, не завалить обломками пехоту и дать возможность танку пробраться через завалы. Далее включилась минометная артиллерия, накрывая осколками тех, кто выбежал из здания.

Не дожидаясь, когда развеется дымовая завеса, прямо в широкий проем, сокрушая битый кирпич в крошку, грозно урча, въехал средний танк. Следом за ним, под прикрытием брони, в бушлатах, одетых поверх металлических пластин, ринулась штурмовая группа, уничтожая немногих фрицев, оказывающих сопротивление.

Артиллеристы, ухватившись за станины орудия, стали перекачивать его через небольшие каменные нагромождения.

– Товарищ майор, вас вызывают, – сказал радист, неотступно следовавший за Бурмистровым.

Танк уже прошел сквозь здания, въехал в сквер. Всюду полыхал огонь, едким дымом наполнялось пространство. Неожиданно, стараясь отсечь пехоту, следовавшую за танком, заколотила в бронированный корпус частая пулеметная очередь. Башня танка повернулась, наводчик безошибочно вычислил пулеметное гнездо на углу третьего этажа массивного здания, и в следующую секунду бабахнул выстрел. Там, где минуту назад находился пулеметный расчет, поднялось облако дыма и пыли. Угол здания обвалился; весело брэнча, посыпалась на асфальт мелкая штукатурка.

Не давая немцам передышки, штурмовой отряд, прячась за укрытия, продвигался дальше по улицам, стреляя короткими прицельными очередями. Бой шел всюду. Город, стиснутый в кольцо, продолжал сопротивляться, с большой неохотой оставляя дом за домом, улицу за улицей. В соседнем квартале громко ахнуло, и к небу взметнулся огромный столб тяжелого черного дыма – не иначе, подбили танк или самоходку.

Майор Бурмистров взял трубку: и через грохот боя, не прекращавшийся ни на секунду, услышал голос Велесова:

– Прохор, не могу пройти по улице. Слева от меня стоит бетонированный дот. Два раза поднимались в атаку, и все напрасно! Режет всех, не дает поднять от земли головы. Тебе с твоей стороны будет удобнее нам подсобить.

– Назови поточнее координаты, – громко крикнул в трубку Бурмистров, не очень уверенный, что будет услышан, но Велесов незамедлительно отозвался:

– Дот с правой стороны от тебя, за угловым домом. Сможешь? – спросил он с надеждой.

До дома было километра полтора. Но с этой позиции его не взять – снаряды пройдут рикошетом, нужно выйти на открытое место, а там лупить по доту прямой наводкой!

– Постараюсь, – обнадежил товарища Прохор.

Подозвав к себе командира орудия, Бурмистров показал рукой в дальний конец улицы и сказал:

– Видишь угловое здание? – Не дожидаясь ответа, продолжил: – Пройдешь к нему по противоположной стороне улицы, доберешься до перекрестка и обогнешь это здание. Там увидишь дот. Ударишь по нему так, чтобы этим фрицам тошно стало! – жестко сказал майор. – Оттуда в сторону форта идет со своей ротой Велесов. Не дают наступать, гады! Всех мордой в землю кладут!

– Сделаю, товарищ майор, – ответил сержант и заторопился к расчету.

– Перекатить орудие! – громко выкрикнул он. – Двигаем к перекрестку по противоположной стороне улицы.

Трое артиллеристов подняли станину орудия, а двое стали толкать тяжелые колеса, придавая орудию ускорение. Автоматчики прикрытия, окружив расчет, стреляли по окнам, пресекая всякую возможность высунуться из них неприятелю. Иной раз ответные очереди достигали цели – пули стучали в станину, били по стволу; один из автоматчиков вдруг споткнулся и неловко упал – из пробитой головы на утоптаный снег потекла на удивление яркая кровь.

Немного позади, с хрустом давя битый кирпич, под присмотром группы автоматчиков двигался тягач, волоча ящики со снарядами.

В какой-то момент, съехав в небольшую яму, орудие увязло, но, поднатужившись, артиллеристы выдернули тысячекилограммовую громадину и протолкали ее дальше. Двигались умело, споро, на преодоление небольших препятствий слаженному расчету из крепких парней требовались какие-то секунды.

Прокатив орудие пару сотен метров до обломка кирпичной стены, командир орудия командовал:

– Стой! – Станины твердо уперлись в землю. – Орудие к бою!

Дот с плоской бетонированной крышей и присыпанный землей, среди разросшегося бука выглядел неприметно. По обе стороны от него тянулись к небу могучие каштаны с поломанными кронами, а между ними топорщились во все стороны сухими ветками магнолии.

Артиллеристы приготовились к стрельбе. Боевой расчет представлял собой единый слаженный механизм, где каждый знал свои действия.

Орудие, спрятанное за обломком стены, со стороны перекрестка не просматривалось. Над кладкой лишь чуть-чуть возвышался ствол, который среди почерневшего, обожженного огнем ландшафта был неразличим.

– Поднести два ящика осколочно-фугасных, – громко командовал командир.

Четверо бойцов стащили с кузова тягача два ящика со снарядами и заторопились к орудю.

Через открытое окно в щите пушки был виден широкий перекресток, частично заваленный кирпичами от разрушенных зданий. На тротуарах и на дороге валялись трупы убитых солдат, живым сейчас было не до них. Немного дальше в широком переулке располагался хорошо укрепленный бетонированный ДОТ. Пулеметный расчет немцев патронов не жалел, молотил веером – справа налево и слева направо – длинными очередями по штурмовикам, затаившимся за каменными укрытиями; по переулку, из которого, разбрасывая осколочные мины, палил миномет; бил по углам, откуда липкой огненной плазмой могли пальнуть огнеметчики. Свинец безжалостно терзал все живое, а то, что было построено из камня, превращал в щебень и пыль.

– Вдарим по доту, – сказал командир орудия наводчику. – Чтобы фрицам и на том свете тошно было!

– Понял, товарищ сержант.

– Заряд уменьшенный, прицел тридцать. – Наводчик установил угломер, прицел. – Взрыватель осколочный.

Четвертый номер расчета быстро заготовил взрыватель к осколочному действию. Пятый и шестой номера прислуги выкопали ямки на глубину лопаты и установили в них сошки станины. Орудие готово к бою.

– Наводить в основание дота.

Наводчик энергично завращал подъемным и поворотным механизмами.

– Готово! – объявил он.

Командир орудия проверил наводку. Все было в порядке. Подняв руку, он резко ее опустил, громко выкрикнув:

– Огонь!!

Шарахнул выстрел. Через мгновение громыхнул сильный разрыв. Густое темно-серое пылеватое облако на несколько секунд закрыло цель, а когда оно развеялось, то стало видно, что снаряд угодил точно в самое основание ДОТа, скovyрнув его, словно гнилую ракушку. Рядом лежали три растерзанных взрывом трупа в обмундировании немецких пехотинцев, четвертый пулеметчик, волоча покалеченную ногу, удалялся от места взрыва.

Следовало сменить позицию. Быть может, в эту самую минуту какой-то невидимый стрелок на немецкой позиции уже направлял в их сторону противотанковый гранатомет. В запасе минуты две, не больше – нужно как можно дальше уйти от места выстрела.

По сторонам звучали автоматные очереди – к немцам прибывало подкрепление. Наме-рения очевидны: раздавить артиллерийскую группу вместе с сопровождавшими ее автоматчи-ками.

– К зданию! В укрытие!!! – закричал командир орудия. – К одноэтажному дому!

Артиллерийский расчет привычно поднял станины, а два бойца, упершись сильными руками в колеса, стали усердно толкать орудие.

Автоматчики двигались впереди – расчищали дорогу для пушки с артиллерийским рас-четом, загоняли немцев во дворы, заставляли прятаться в укрытия, залегать, пережидать огонь в воронках.

До одноэтажного, наполовину разрушенного здания, где можно было укрыть орудие, оставалось всего метров двадцать, как вдруг командир орудия резко вскинул подбородок и опрокинулся на разбитый кирпич. Пуля попала точно под самый край каски. Сержант умер мгновенно, не осознав произошедшего. Стрелял снайпер и выбрал тот самый момент, когда голова сержанта на мгновение показалась из-за орудия.

На лице наводчика застыла растерянность, глаза расширились, будто вопрошая: «Как же так? Как это случилось?» Затем он посмотрел по сторонам, словно бы просил у окружающих участия, а потом неожиданно громким, басовитым голосом скомандовал:

– Орудие к бою!!!

Артиллеристы как будто бы ждали именно этой команды. Под прикрытием штурмующей группы в несколько секунд сняли чехлы с дульного тормоза, с казенника, закрепили панораму в корзине и установили орудия для стрельбы прямой наводкой. Потребовалось всего лишь несколько секунд, чтобы зафиксировать орудие в неподвижном положении. Пули нещадно молотили в бронированный щит; срикошетив, уходили в небо; вспахивали под ногами землю; свистели над головой; осколки, немислимо меняя траекторию, пытались залететь за щит. Все тщетно!

Артиллерийский орудийный расчет воевал вместе почти год. Это уже фронтовая семья. На войне такая продолжительность в ведении боевых действий редкость. Прошли через мно-гое. Командир орудия, несмотря на молодость, был опытным артиллеристом, одним из лучших в полку, а может быть, даже в дивизии. И вот как оно вышло... Погиб в городском бою, в чужой стране, на улице с труднопроизносимым названием. Оставить безнаказанной смерть командира нельзя, фрицы должны поплатиться, даже если им предстоит всем сгинуть в этом бою.

– Это был снайпер, сука, – сказал заряжающий, выглянув из-за щита.

– Командир, он на крыше затаился, под самой трубой. Вон каска его торчит, – высказался четвертый номер, отличавшийся острым зрением.

– По живой цели на крыше противоположного здания, ориентир – труба, – громко командовал первый номер, ставший командиром орудия. – Осколочно-фугасным с уменьшенным зарядом. . . Угломер – сорок пять, прицел – пятнадцать. Взрыватель – осколочный.

Четвертый номер приготовил взрыватель к осколочному действию – быстро свинтил колпачок, закрывавший мембрану.

– Навести ствол под самое основание трубы. . . Один заряд!

Переломив ход скоротечного сражения, к переулку подошло второе отделение штурмующих. Немцы нехотя отступали, на шаг, другой, сдавали обжитые позиции. Снайперы, засевшие на крышах, вели эффективную стрельбу, выводя из боя то одного, то другого бойца. Из подвала дома, стоявшего на перекрестке, полыхнуло белое пламя, а за ним поползло густое черное облако, тяжело стелющееся по земле. Копоть укладывалась на стены домов, липла на лица бойцов, смешавшись с дымом орудий, образовывала непроглядную серую завесу.

– Готово!

– Огонь!!

Прозвучал выстрел. Снаряд, взорвавшись на крыше, на мелкие осколки расколотил черепицу, разлетевшуюся по дворам, переулкам, улицам. Разбил кирпичную трубу и, словно поломанную куклу, взрывной волной швырнул на землю затаившегося снайпера.

– Осколочно-фугасный снаряд с ударным взрывателем, – командовал новый командир орудия, заметив на втором этаже фаустпатронника. Затаившись, тот чего-то выжидал. – Отражатель – ноль! Угломер – двадцать девять.

С северо-восточной стороны города стрельба усиливалась: тяжелые орудия колотили по Цитадели. Крепость сдаваться не желала. Оставалось только удивляться твердости ее крепостных стен. Достаточно шести артиллерийских снарядов, чтобы разрушить целое здание, а по фортам Цитадели долбили каждый день по несколько часов кряду, а она продолжала возвышаться вопреки всем военным, механическим и физическим законам, и горделиво посматривала непробиваемыми башнями на город, лежавший в руинах.

– Огонь!! – стиснув зубы, приказал двадцатилетний командир орудия.

Снаряд, пролетев две секунды, пробил стену под самым окном и разорвался где-то внутри помещения, выбив оставшиеся окна. Внутри ярко полыхнуло пламя, его длинные ярко-красные языки, словно изголодавшись, стали жадно лизать побитые осколками стены. Не насытившись, пламя добиралось до деревянных перекрытий и уползло в глубину здания за новой поживой.

Глава 5

Не переживай, не впервой!

К немцам подоспело подкрепление из Цитадели, состоявшее из кадровых частей, что стало понятно с первых минут боя. Враг воевал грамотно, по всем законам военной науки. Старался внести сумятицу – появлялся неведь откуда и так же внезапно исчезал; хотел раздробить штурмующую группировку, чтобы уничтожить ее по частям.

В какой-то момент Бурмистров ощутил, что натиск усиливается, что его обстреливают не только с фронта, но и с флангов, палили даже с тыла.

Полковые орудия, установленные с флангов, не прекращали огня, не давали возможности немцам приблизиться. Одна беда – были перебиты гусеницы тягача, и снаряды приходилось волочить на себе, что значительно уменьшало мобильность, сокращало возможность для маневра.

Зажатый в самом центре улицы, майор Бурмистров не мог развернуться ни направо, где немцы успели соорудить нагромождения из поломанной техники, ни налево, где из соседнего переулка шел плотный зенитный огонь, разрывавший на куски все живое, – зрелище было сильное, очень страшное, имевшее мощнейший психологический эффект. А самое скверное – позиция у зенитки была подобрана столь умело (в узком переулке между двумя зданиями), что ее невозможно было достать никакой артиллерией. Продвигаться дальше стало невозможно. Зенитку следовало уничтожить. За штурмовыми батальонами пойдет пехота – закреплять отвоєванные территории, вот она и попадет под ее губительный огонь.

Можно было бы достать зенитку фаустпатроном, его разрушительной мощности будет достаточно, чтобы накрыть сразу всю прислугу. Вот только как добраться до этой зенитки? Вокруг нее злыми церберами стояли автоматчики, пресекая всякую попытку приблизиться к орудию.

Вполне по силам справиться с зениткой среднему танку, но он хорош в поле, где колоссальная возможность для маневра. В узком же переулке, из которого била зенитка, не было возможности не то чтобы навести орудие на цель и выстрелить, а даже в случае необходимости развернуться – зенитка, стоящая в переулке, успела пристрелять вокруг каждый метр и уничтожит танк мгновенно, едва он окажется в поле ее видимости.

Проход Бурмистров понимал, что установившееся равновесие не может продолжаться бесконечно. Немцы чего-то ждут, скорее всего, подкрепления, и когда оно подойдет, то зенитное орудие выдвинется из переулка на улицу, где застрял штурмовой отряд майора Бурмистрова, чтобы уничтожить его в течение одной минуты и тем самым поставить точку в затянувшемся противостоянии.

Следует поторопиться.

– Свяжись с Велесовым, спроси у него, как там дела.

– Ива, я – Сокол, прием... Как слышите меня? – закричал связист, младший сержант Миронов.

Парень родился с сильным и густым голосом. С таким басом надлежало бы стоять у орудия и кричать: «Огонь!» Можно не сомневаться, что он сумел бы перекричать даже гаубичные залпы.

Неожиданно он умолк. Некоторое время радист просто вслушивался в речь, заглушаемую частыми разрывами, а потом коротко ответил:

– Принято, передам... Капитан Велесов сказал, что его подразделение успешно продвигается в сторону форта «Радзивилл» и находится от него примерно в километре. Они уничтожили два танка, три зенитных орудия и несколько укрепленных огневых точек.

– Ишь ты, научился воевать, – порадовался за друга майор Бурмистров. – Широко шагает. Свяжись с отделением саперов и скажи, что нужно подорвать стену в угловом здании. Пусть выдвигаются немедленно. А мы пока почистим для них место, чтобы им воевалось лучше... Васильев, – подозвал Бурмистров командира отделения автоматчиков, плечистого парня с двумя орденами Славы. – Видишь четыре окна на первом этаже?

– Вижу...

– Не дают подойти к зданию, подавите их, ну и огнеметчика с собой прихватите. Сержанта Савельева, к примеру... Пусть он своим дустом всех этих тараканов из щелей выкурит.

– Сделаем, товарищ майор, – охотно откликнулся сержант.

Под прикрытием пулеметного огня и стелющегося дыма РДГ¹, не давая возможности немцам высунуться из окон, отделение автоматчиков приблизилось к дому и закидало первый этаж гранатами. Оставались подвалы, где могли укрываться немцы (как только группа продвигается вперед, спрятавшиеся немцы выползут из подвала и ударят в спину). Далее черед огнеметчиков. Огнеметчик в городском бою весьма ценный боец, потому его старались оберегать.

Под прикрытием автоматчиков сержант Савельев (боец лет тридцати пяти) подскочил к подвальным окнам и, сунув пистолет в отверстие, пустил упругую огненную струю в противоположную стену. Снизу, будто бы из преисподней, раздались отчаянные крики. Не скрывая злорадства, сержант, уроженец белорусского Полесья, зло вымолвил:

– Жарятся, черти! Это вам за мою семью!

Прежде огнеметчик состоял в отделении автоматчиков, но, узнав о судьбе родных, сожженных карателями в сорок третьем году вместе с другими жителями деревни, решил поменять автомат на огнемет.

Три взрывника под прикрытием автоматчиков появились в тот самый момент, когда подвал занялся огнем, пуская через подвальные окна, заложенные мешками с песком, темно-серый тяжелый дым. Не желая смешиваться с дымом дымовых шашек, разложенных химиками по периметру расположения группы, он поднимался к небу верткими струями и, добравшись до последнего этажа, рассеивался в виде мелкого тумана.

– Поддержать взрывников огнем! – крикнул в трубку майор Бурмистров. – Чтобы ни один гад из окна не высунулся.

После того как была выпущена зеленая ракета, затарахтели ручные пулеметы, брызгая каменной крошкой и грязью, не давали немцам поднять головы. По местам скопления гитлеровцев слаженно колотили пушки. Взрывники, находясь в относительной безопасности, заложили взрывчатку под угол дома и, отступив на безопасное расстояние, взорвали стену. Дом сильно трянуло, его заволочло темным облаком пыли, а когда пылица малость поредела, сквозь нее можно было увидеть в стене огромную дыру.

Два бойца, вооруженные фаустпатронами, стараясь не попасть под шальную пулю, юркнули в проем. Помещение было пустым. Пахло гарью и смрадом – результат недавнего сражения. Пол устлала отстрелянные гильзы, перекатывающиеся под подошвами сапог; злое трещало расколотый кирпич. За стеной было слышно, как очередями злобно молотила зенитка, не давая возможности приблизиться. Громкая чужая речь зенитной прислуги, подтаскивающей снаряды, била по нервам.

– Здесь стоит зенитка, – сказал Мамаев, плотный парень с угрюмым лицом. И закрепил фаустпатрон на треноге напротив стены.

Второй боец с фаустпатроном отошел на несколько шагов в сторону. Установил фаустпатрон на груде кирпичей. Автоматчики, перекрыв входы, охраняли фаустпатронников, предоставляя им возможность поточнее прицелиться. Мамаев поднял измерительную планку, старательно прицелился.

¹ РДГ – ручная дымовая граната.

– Готов или... – повернулся Мамаев к напарнику. Прозвучавшая рядом очередь прервала фразу, заставила отпрянуть за угол. – Попал?

– Вон он лежит...

– Откуда взялся этот фриц?

– Сам не пойму, – в сердцах выругался командир отделения, продолжая выискивать автоматом очередную цель.

В нескольких шагах на животе лежал немец с простреленной грудью, рядом с ним – выпавший из рук карабин. Перевернув фрица ногой на спину, сержант удивленно хмыкнул – это был немолодой мужчина, почти старик, с седой коротенькой и очень ухоженной бородкой.

– Даже не поймешь, что он тут делал, – хмуро произнес командир отделения.

– А что ему тут еще делать? – усмехнулся стоявший рядом автоматчик. – Пристрелить тебя хотел. Это солдат из фольксштурма. Из немецкого ополчения. Гитлер сейчас всех подряд под ружье ставит.

– Ты готов? – повернулся Мамаев к напарнику.

– На все сто, – ответил тот.

– Только позади этой трубы не стой, раскаленной струей прибьет, она метра на полтора вылетает, – предупредил Мамаев. – А нам с тобой еще до Берлина топать.

– Не переживай, – ответил тот. – Не впервой.

– Огонь! – скомандовал Мамаев и нажал на курок фаустпатрона.

Граната, ударившись в стену, сумела сделать в ней огромную пробоину, брызнула во все стороны осколками и, потеряв первоначальное направление, взорвалась на середине улицы метрах в тридцати от группы солдат, осыпав их смертоносными осколками.

Через брешь в стене хорошо просматривалось зенитное орудие, напоминавшее танк. Вот только вместо дула из брони торчали спаренные стволы подвижной установки. Зенитка шумно и весело стреляла гавкающими скорострельными очередями, в труху уничтожая всякую цель.

Прозвучавший грохот привлек внимание зенитчиков. Мамаев увидел, как башня быстро повернулась, и стволы, прежде направленные на верхние этажи противоположных зданий, занятые советскими автоматчиками, вдруг стали стремительно опускаться, выискивая близкую цель. Через какое-то мгновение стволы опустятся, поравняются с группой бойцов, засевших в здании, и разорвут их на куски зенитными снарядами.

– А хрен вам! – выкрикнул Мамаев и, стиснув челюсти, нажал на курок.

Вылетевшая граната пробила бронированный корпус самоходной зенитки и врезалась в ящики со снарядами, мгновенно сметонировавшими. Зенитку разорвало на куски, а разодранную, обожженную человеческую плоть раскидало по всему переулку. Все было кончено.

– Молодцы, хорошо сработали! – выкрикнул майор Бурмистров и проговорил в трубку: – Вторая рота, усилить натиск. Проходим вперед и закрепляемся на занятых позициях. Очистить район, чтобы ни одного гада здесь не осталось!.. Дай мне вторую и третью роты, – приказал Прохор.

– Есть, – ответил Савельев и подключил на телефонный коммутатор двух абонентов.

Коммутатор был спрятан в металлический корпус, на котором отчетливо были видны следы от недавних осколков. Свою нелегкую службу коммутатор нес наравне со всеми. Без связи воевать трудно, а потому полевой телефон и коммутатор берегли, как собственное оружие. Неделию назад имелся еще деревянный ящик-чехол, в котором обычно перевозили его с места на место. Но машина, в которой перевозился коммутатор с полевым телефонным аппаратом, подорвалась на mine. От деревянного чехла остались только щепки, а вот коммутатор каким-то чудом уцелел. Теперь связисты перетаскивали коммутатор в обыкновенном кованом сундучке, в котором зажиточные немцы обычно хранили семейные ценности. Сундучок был предметом для шуток, среди бойцов немало остряков, посмеивающихся над тем, как связисты таскались с ним по окопам.

– Готово, товарищ майор, – протянул телефонист трубку.

– Второй роте капитана Ежова двигаться на юго-запад и обходить форт «Радзивилл» с западной стороны. Третьей роте капитана Громушкина обойти форт с северо-западной стороны. Наша задача замкнуть его в кольцо. Прием.

– Товарищ майор, это капитан Ежов. Юго-западное направление очень сложное. Его просто не существует! Улицы имеют очень путаную систему. Идут вокруг крепости. Думаю, что строили так специально, чтобы запутать противника при возможном штурме. Разведка доложила, что там очень много узких улочек и тупиков, которые могут стать для наступающей пехоты ловушкой.

– Капитан, ты думаешь, что немцы тебя за ручку будут водить, чтобы ты не заблудился? Облегчать тебе задачу никто не собирается! Нам нужно зайти немцам в тыл, помочь дивизии расчистить плацдарм для наступления к главной цели, крепости Цитадель! Если дороги в тыл нет, тогда пусть саперы делают проломы в зданиях, через дыры заходит атакующая группа и при помощи гранат и огнеметчиков уничтожают всех, кто там находится. Захватывайте верхние этажи и перекрывайте все подходы к зданию. Снарядов не жалеть! Лупите по верхним этажам, где засели немцы, из орудий и из крупнокалиберных пулеметов. Не давайте им шанса не то чтобы бросать сверху на нас гранаты, пресекайте всякую возможность даже близко подойти к окну! Активнее используйте сигналы ракетами, дымами! Действовать аккуратно, чтобы свои не попали под огонь. Боестолкновения в домах не избежать. Если встречаете усиленное сопротивление и укрепленные позиции – взрывайте их! Все понятно, капитан? Или мне тебя дальше учить азбуке?

– Все ясно, товарищ майор! – бодро отозвался командир второй роты. – Двигаться строго на юго-запад, несмотря на сопротивление.

– Не давать гадам ни минуты передышки. Давить и давить! Что у тебя, старший лейтенант? – посмотрел Бурмистров на командира танкового взвода. – Танки все целы?

– С танками все в порядке.

– Доразведку провели?

– Провели, товарищ майор. Дело немного усложнилось. Пешей разведкой выявлено, что за последние сутки на нашем направлении немцы провели целый комплекс инженерных мероприятий, чтобы помешать продвижению: вырыли противотанковые рвы, соорудили полевые укрепленные позиции, откуда простреливаются буквально все подходы к форту. На самих дорогах в шахматном порядке расположили огневые точки, усиленные тяжелыми пулеметами и орудиями.

– Тактика остается прежней. Не можете пройти по дорогам – идите через дома! Взрывайте стены, уничтожайте на своем пути пехоту и двигайтесь дальше к форту «Радзивилл». Крепость мы должны взять в кратчайшие сроки! То, что не сумеете проделать вы, сделает артиллерия главного командования. Разнесет к черту всю эту камарилью! Всем все понятно?

– Так точно, товарищ майор!

– Приступайте!

Едва Бурмистров положил телефон, как он затрещал вновь. На этот раз у аппарата был командир дивизии Мотылевский. Не дослушав доклад Бурмистрова, раздраженно прервал:

– Медлишь, майор. Медлишь! Нужно двигаться вперед. Не давать немцам ни минуты передышки, чтобы они не успели перегруппироваться и возобновить контратаку.

Бурмистрову хотелось матюгнуться в трубку, удержался. Спокойным голосом возразил:

– Товарищ генерал-майор, мои люди делают все возможное и невозможное для взятия форта. Первая штурмовая рота пробивается сейчас с юго-западной стороны в тыл к немцам...

– Никакой задержки быть не должно, – перебил генерал-майор, – к форту ты должен выйти сегодня же. Все! Конец связи!

Только сейчас Бурмистров обратил внимание на то, что аппарат был трофейный, немецкий, весьма ценный среди связистов.

– Откуда немецкая трубка, Миронов? – невесело поинтересовался майор, находясь под впечатлением тяжелого разговора с генералом.

Связист самодовольно улыбнулся:

– На немецком наблюдательном пункте раздобыл. Там еще катушка с немецким проводом была. Так я ее до штаба полка протянул.

Спрятавшись за разбитую башню, басовито гудел танк, его экипаж дожидался приказа.

– Молодец, Миронов, когда все успеваешь... Давай красную, – сказал майор Бурмистров ординарцу, лежавшему рядом.

– Есть, дать красную! – охотно откликнулся Колисниченко и, воткнув в ракетницу патрон, выстрелил вверх.

Ракета с шипением взметнулась в воздух и, описав белым дымом большую рассеивающую дугу, сгорела над крышей побитого разрывами дома.

Это был сигнал к продолжению атаки. Пока ничто не мешало наступлению. Танк, зарывчав, двинулся прямо в проем стены. За ним под прикрытием брони, устремилась пехота.

Развернувшись, «Т-34» проехал через боковую стену здания, напрямик на позиции разбитой зенитки. Подмяв гусеницами развороченное расплавленное железо, устремился дальше через сквер, в центре которого, укрывшись за баррикаду, находилась пулеметная точка, брызгавшая во все стороны раскаленным свинцом.

Не сбавляя скорости, танк пальнул в баррикаду, проделав в груди покореженного металла огромную дыру. На какие-то секунды пулемет умолк, показалось, что все кончено, а потом столь же назойливо замолотил вновь, заставив штурмующих залечь, спрятаться в укрытие. Не сбавляя скорости, танк надвигался на баррикаду. Следующий выстрел оказался точнее. В воздух взметнулись тряпичные лохмотья, фрагменты человеческой плоти. В сопровождении штурмующей группы танк миновал сквер. Вырулил на улицу, простреливаемую с верхних этажей зданий.

Штурмовики, разбившись на две части, двигались по обе стороны дороги, пресекая всякую попытку подбить танк, – поливали окна автоматным огнем, забрасывали гранатами и неумолимо двигались к концу улицы, где в высотном доме размещался укрепленный опорный огневой пункт.

Майор Бурмистров, пренебрегая предупреждениями не лезть под огонь противника, бежал рядом с танком. Артиллеристы катили орудия, ненадолго останавливались, чтобы произвести выстрелы по пулеметным точкам, и вновь двигались дальше.

Дома проверялись на наличие в них фашистов быстро. Видно, немцы оставили в них небольшие силы, чаще состоящие из фольксштурма, вооруженных фаустпатронами. В одном из домов произошла заминка: группа гитлеровцев оказала усиленное сопротивление. Дом забросали дымовыми шашками, и под прикрытием плотной дымовой завесы саперы подошли едва ли не вплотную к дому и стали кидать в окна бутылки с зажигательной смесью. Не пожелавшие сдаться – сгорели, а те немногие, что повыскакивали на улицу, попали под огонь автоматчиков.

Подошедшие артиллерийские расчеты лупили прямой наводкой по зданиям, в пулеметные гнезда, по скоплению немцев. Саперы, не давая противнику передохнуть, взрывали стены для прохода штурмовой группы в глубину зданий. Разбежавшись по этажам, штурмовики быстро зачищали строения от гитлеровцев. Следом двигались огнеметчики, уничтожая тех немногих, что еще могли оказывать сопротивление.

Фрицы забивались в щели, укрывались в подвалах, спускались в канализации, зарывались в завалах, прятались в развалинах, в тех местах, где их не сразу можно было обнару-

жить. Огнемётчики, крепко стиснув челюсти, щедро поливали раскаленной смесью участки, где могли бы спрятаться оставшиеся в живых.

Неожиданно с крыши соседнего дома, очищенного от фашистов полчаса назад, длинными очередями заработал пулемет, скосив трех бойцов, перебежавших переулочек. Не помогла ни броня, прикрывавшая грудь, ни каски, натянутые на самый лоб, – смерть застала воинов мгновенно.

Некоторое время Прохор наблюдал за павшими, надеясь на то, что кто-нибудь из них пошевелится. Но нелепые неудобные позы, в которых застыли штурмовики, не оставляли надежду на то, что они живы.

Ожили еще две пулеметные точки на предпоследнем этаже. Немцы дубасили короткими прицельными очередями, простреливая среднюю часть улицы. На опасный перекресток, пренебрегая пулеметным огнем, выкатился средний танк. Его башня угрожающе повернулась, и ствол принялся выискивать пулеметное гнездо. Громко прозвучал одиночный выстрел из противотанковой винтовки, – бронебойная пуля перебила трак; с ведущего колеса длинной лентой сползла широкая гусеница, а бронемашинка как-то нелепо осела набок. Тележки шасси зарылись в развороченный грунт, и танк раненым стальным зверем завертелся на месте. Поломка серьезная, но не смертельная. Возможно, что уже к утру мастера ремонтного цеха починят танк, и он вновь вступит в строй. Но все это будет завтра, а танк нужен сейчас.

Из тыловой глубины почти сразу же ударили две полковые пушки, уничтожив пулеметные гнезда.

Бурмистров дважды крутанул ручку телефона и поднял трубку. На связи был командир второй роты капитан Ежов.

– Что у вас там? – выкрикнул раздосадованный Бурмистров. – Я сказал идти вперед, но не бежать! Оставили фрицев позади себя, мы из-за вас трех бойцов и танк потеряли!

– Даже не знаю, откуда они взялись, товарищ майор, – виновато ответил капитан. – Наверное, как-то через подземные коммуникации просочились.

– Послушай, капитан, меня не интересуют твои домыслы. У тебя была задача проверить каждый дом, через который ты проходишь. Должен был закрепиться. Задача выполняемая! Немедленно исправить ошибку и уничтожить всех спрятавшихся фрицев!

Артиллеристы из тыловой глубины методично расстреливали два следующих дома, в которых засевшие фрицы продолжали оказывать сопротивление. Когда пулеметные гнезда были разбиты, штурмовая пехота, забрасывая в окна гранаты, ворвалась в дом.

Теперь опорный огневой пункт, устроенный немцами в высотном доме, был на расстоянии вытянутой руки. Пулеметные точки, расположенные на каждом этаже, били с такой интенсивностью, что не позволяли даже приблизиться к зданию.

Саперы-химики, отправленные к дому для устройства дымовой завесы, возвратились ни с чем. Из отделения уцелели только трое, остальные полегли под пулеметным огнем, неожиданно ударившим в спину.

Полковые пушки долбили средневековый гранитный высотный дом на протяжении получаса, но серьезного урона его стенам не нанесли. Немцы засели в нем крепко, просто так их не сковырнуть. Боеприпасов у них хватало, а потому они рассчитывали отсидеться за его стенами.

Бурмистров внимательно осматривал укрепление, стараясь выявить слабые места. Через десять минут наблюдения сделал для себя неприятное открытие – слабые места отсутствовали. Укрепленное по всем правилам фортификации высотное здание больше напоминало крепость, нежели обычное жилище, а перед ним были установлены противотанковые преграды и протянута в несколько рядов колючая проволока.

«Должны быть какие-то недочеты», – думал майор Бурмистров, всматриваясь в вооружение, проглядывавшее в окнах: тяжелые пулеметы чередовались с легкими, создавая эффект непрерывного огня; перед домом на многочисленных бетонированных площадках установлены

минометы; высокие баррикады перегораживали улицы. Тяжелую артиллерию в узких улочках не поставишь – в два счета будет уничтожена засевающим в доме гарнизоном. Если только подтащить ее поближе, а там под прикрытием дымовой завесы ударить по стенам тяжелыми снарядами.

И тут его осенило. Взяв трубку, Прохор произнес:

– Селезнев, кажется, у тебя есть отделение фаустников?

– Имеется, товарищ майор! – не без гордости ответил старший лейтенант. – Восемь человек!

– Пусть подойдут ко мне все восемь!

Через несколько минут на верхний этаж трехэтажного дома, где расположился временный наблюдательный пункт штурмового отряда, явились восемь штурмовиков, держа на плече по фаустпатрону. Прохор невольно обратил внимание на самого рослого из них с орденом Славы III степени на широкой груди и значком «Гвардия». С левой стороны ремня на больших крепких карабинах прицеплены две гранаты. В широких крестьянских ладонях, привыкших к физическому труду, фаустпатрон смотрелся не как бронебойное орудие, а как дубинка богатыря, с которой он готов выйти на неприятеля, да и сам он широкой костью напоминал былинного Илью Муромца.

– Как зовут?

– Никита.

– Тебе больше Илья подходит... За что орден Славы заслужил? – глянул Бурмистров на новенький орден, с которого еще не сошел блеск.

Улыбнулся широко, по-детски, показав крепкие зубы, слегка подкрашенные крепкой махоркой.

– Неделю назад немецкий истребитель зажигательной пулей сбил, – смущенно признался богатырь.

– Разве такое бывает? Как тебе удалось? – невольно подивился Бурмистров. – Он же бронированный.

– Бронированный, – согласился боец. – А вот только сзади бензобака перегородочка жестяная имеется. Броней ее не назовешь, там дюраль из нескольких слоев. Вот я туда из противотанковой винтовки бронебойно-зажигательной пулей выстрелил.

– А откуда ты узнал про эту перегородку?

– Когда немецкий сбитый самолет разбирали, вот я и заприметил ее.

Состав подобрался боевой, с опытом. Свое дело знают на отлично. Это не сорок первый год, когда одна зеленая молодежь в армию шла. Именно этим солдатам предстоит брать Берлин.

– Глазастый... Как же ты попал в эту перегородку?

– Так я же из Сибири, охотник. Белку в глаз дробинкой бил, чтобы шкурку не попортить. А уж в такую махину, как самолет, грех не попасть.

Бойцы, стоявшие перед майором, с интересом вслушивались в разговор. На лицах, закопченных пороховой гарью, сдержанные улыбки. Короткому отдыху рад был каждый. Прекрасно осознавали, что через минуту придется шагнуть в самое пекло. А там, как сложится!

– А теперь значит, решил из фаустпатрона стрелять. Карабина тебе мало показалось?

– Так оно как-то вернее.

– Тут вот какое дело, – заговорил майор серьезным голосом. – Вот этот дом помечен на карте, как объект номер два, – показал он через небольшое отверстие в стене на высокое строение, стоящее от штаба в нескольких сотнях метров, – для нас он, как кость в горле. Стоит на перекрестке и не дает нам продвигаться дальше. Из него стреляют из всех окон! Твоя задача, Никита, выстрелить из фаустпатрона вот в тот ближайший угол под самое основание дома. Выберешь позицию поудобнее, чтобы сразу и наверняка! Мне нужна точность. Сумеешь?

– Для точности мы треногу применяем от немецких пулеметов. Поставим на них фаустпатрон и прицеливаемся.

– Годится. Вы вдвоем, – обратился Прохор к бойцам, стоявшим рядом, – бьете в другой угол. Вы трое, – посмотрел Бурмистров на солдат, стоявших напротив. Взгляды у бойцов серьезные, воины осознавали всю важность поставленной перед ними задачи. Командир штурмового батальона офицер основательный, просто так лясы точить не станет. – Бьете прямо с фасада – в центр и по углам. А остальные заходят с противоположной стороны здания и палят из своих игрушек по перекрытиям первого этажа. Есть риск, что с той стороны будут немцы... А вы будете как блоха на заднице! Но мы их отвлечем: станем лупить из всех орудий, пока вы подойдете поближе к зданию и выберете нужную позицию. – Глянув на часы, он добавил: – Даю полчаса, чтобы выйти на позиции и произвести выстрелы. Больше не могу. Нужно наступать дальше. Выполните задачу – получите по ордену Славы за личное мужество. Лично хлопотать буду... Через пятнадцать минут начинаем артобстрел, отвлекаем внимание немцев от вас, а вы тотчас выдвигаетесь вперед. Стреляете одновременно по зданию по пуску зеленой ракеты. Все понятно?

– Так точно, товарищ майор! – ответил за всех Никита.

Бойцы вышли. Крутанув ручку телефона, Бурмистров поднял трубку. Связи не было.

– Что со связью? – строго посмотрел Прохор на связиста.

– Только что была, товарищ майор, – заверил младший сержант Миронов. – Минуту назад связывался с первой ротой. Передал ваш приказ командиру роты о поддержке артиллерийским огнем наступающей группы. Провод, наверное, перебит.

– Сейчас пойдешь и устранишь неисправность. Курехин! – подозвал майор посыльного и, когда тот подошел, приказал: – Ступай во вторую роту к капитану Ежову, скажешь, чтобы передали в штаб дивизии мою просьбу ударить артиллерией по объекту номер два. Артподготовка – двадцать минут! Будь осторожен, участок около разбитой гаубицы простреливается немцами. Как дойдешь, дашь знать двумя дымовыми шашками: белой и черной.

Посыльный выскочил из помещения. Время тянулось медленно. Группа фаустпатронников подбиралась к зданию, выискивала наиболее удобные места для выстрелов. Подойти было трудно, все перекрестки простреливались пулеметами. Отвлечь их мог только массивный огонь по опорному пункту, но сигнала все не было. И в этот самый момент с позиции второй роты дымовиков закурились две дымовые шашки: одна с черным дымом, другая – с белым. Дошел Курехин!

Сигнал был принят.

– Петро, забирайся на крышу и пускай сигнальную зеленую ракету, – приказал Бурмистров ординарцу. – Смотри не угоди под минометный огонь.

– Есть, пустить сигнальную ракету, – отозвался Колисниченко и стремительно вышел из помещения.

Батальонная, полковая, дивизионная артиллерии ударили залпами почти одновременно, наполнив улицы грохотом и разрывами снарядов, свистом мин. Гулко и зычно ухали две гаубицы, которые артиллеристы сумели протащить к самому центру города.

Неожиданно назойливо затрещал телефон. Не подвел связист.

– Майор Бурмистров, – подняв трубку, сказал Прохор.

– Это Чуйков. Никак не могу с тобой соединиться...

– Товарищ командующий, тут у нас...

– Как у тебя продвигается штурм, майор? Слышу в твоём квадрате грохот.

О точном расположении штаба армии знал лишь ограниченный круг офицеров. За последние десять дней его местоположение менялось трижды. Сначала оно находилось на второй линии обороны, занимая двухэтажный особняк, сейчас передвинулось ближе к городу. Но даже с этого расстояния определить точное место, куда именно сыплются снаряды, крайне

сложно. Следовательно, командующий армией находится в непосредственной близости от города, а может быть, на одном из полковых наблюдательных пунктов. В мужестве командующему армии не откажешь.

– Наступление продвигается успешно, – прокричал в трубку Бурмистров, понимая, что его слова могут заглушаться разрывами снарядов. – Форт «Радзивилл» от нас теперь уже примерно в пятистах метрах.

– Хорошо. Как возьмешь форт, лично мне доложишь!

– Есть, товарищ командующий.

Бурмистров поднес бинокль к глазам. Прошло двадцать минут, пушки умолкли. Опорный пункт выдержал. В стенах дыры от снарядов. Внутри здания значительные разрушения. Многие пулеметные точки были уничтожены. Но в здании еще находилось немало немцев. Воспользовавшись прекращением артиллерийского огня, немецкие солдаты подтаскивали к окнам мешки с песком, укрепляли огневые точки. На крыше дома расположился минометный расчет. Гранатометчики заняли средние этажи здания. В огромных кадках подвезли бетон, натаскали кирпичей. Военные строители поспешно восстанавливали разрушенное, понимая, что обстрел может возобновиться в любую минуту.

Распорядился укреплением здания крепкий майор в форме пехотинца. Прохор даже рассмотрел на его правой щеке коричневую родинку.

Сколько же их в здании? Пожалуй, не меньше роты. Настрой у фрицев самый серьезный, рассчитывают на долгую оборону. Поглядим, что выйдет из вашей затеи...

Бурмистров перевел взгляд на подступы к зданию, пытаясь отыскать позиции бойцов с фаустпатронами. Двоих из них, спрятавшихся в груде разбитой техники, отыскал без труда. А вот остальных – не сыскать. Научились прятаться, черти!

С позиции второй роты в воздух взлетела зеленая ракета. Описав дугу, уже прогоревшая, она упала на асфальт, усеянный гильзами от крупнокалиберного пулемета. Первый выстрел из фаустпатрона произошел в тот самый момент, когда померкла последняя искра догорающей ракеты. Снаряд, ударившись в угол дома, проделал в нем огромную дыру, основательно потрянув несущую стену. Почти одновременно прозвучали еще четыре взрыва: с тыльной стороны, откуда пошел черный клубковатый дым, смешавшись с плотной густой пылью, и с дальнего угла противоположного дома, вырвав кусок кирпичной кладки. Здание буквально подпрыгнуло, а с верхних этажей посыпались кирпичи. Конструкция разбалансировалась, поломалась, выглядела несуразной. Вся тяжесть строения приняли на себя опорные стойки фасада. Внутри здания раздавались крики. Прозвучала длинная пулеметная очередь. И в следующий миг снаряды фаустпатрона перебили фасадные опоры, и строение, колыхнувшись, обрушилось, подгребая под обломками всех тех, кто в нем находился.

Подняв трубку, майор Бурмистров приказал:

– Огневой группе выдвигаться и закрепляться на занятых позициях. Быть готовыми к контратаке. Пешей разведке провести дополнительную разведку. При слабом сопротивлении немцев двигаться дальше.

– Сделаем, товарищ майор! – бодро отозвался командир огневой группы. – Теперь нас ничто не удержит.

– Не давать фрицам и часу передышки! Давить, давить и давить!

К следующему огневому рубежу выдвинулись смешанной группой, в которой оставался один уцелевший танк. Пехота прикрывала его от фаустников, от метателей гранат, стремительно уничтожая цели. Приостановились лишь однажды – у трехэтажного дома, из которого назойливо и часто бил крупнокалиберный пулемет. Танк замедлил движение, отыскал пулеметное гнездо и двумя точными выстрелами уничтожил цель.

Впереди стоял форт «Радзивилл».

Глава 6

Разведка боем

Внешне форт «Радзивилл» выглядел низким, неказистым, всего-то трехэтажное здание, имеющее форму многоугольника. Но в действительности в глубину он был отстроен куда значительнее, чем на поверхности. В его подземных просторных помещениях, включая казармы, складские сооружения, свободно размещалось до пятисот человек. Вокруг форта был вырыт противотанковый ров шириной до десяти метров, глубиной до восьми, такой не перепрыгнешь. На высоком валу, опоясывавшем форт, были возведены трехметровые крепкие решетки, которые, по замыслу немцев, должны сдерживать наступление пехоты.

В лесных насаждениях вокруг форта раскиданы нагромождения гранитных глыб, поросших густым высоким кустарником, что делало форт невидимым даже в зимнее время. Эти гранитные глыбы представляли собой преграду для танков.

Стены до трех метров толщиной – такую полковыми пушками не пробьешь, и усилены пятнадцатью бойницами, из которых выглядывали грозные дула тяжелых пулеметов. Изломы рва прикрывали боевые казематы из гранита, обстреливающие из амбразур кинжальным огнем стены крепости и наступающих на значительном расстоянии.

На крыше форта оборудованы минометные позиции и укреплены пулеметные площадки. Кроме того, сооружены пять бронированных колпаков, не позволявших разрушить крепость бомбардировкой и тяжелыми гаубичными снарядами.

Крепость выглядела неприступной, а сумрак, что укрывал землю, делал ее более злоеющей. И все-таки твердыню нужно было брать – именно она открывала дорогу в глубину центральной крепости «Цитадель».

– И что ты скажешь? – спросил Велесов.

– Взять будет непросто, – честно признал майор Бурмистров, отложив бинокль в сторону.

С высоты наблюдательного пункта, расположенного на пятом этаже здания, бывшего некогда немецким укрепленным пунктом, можно было рассмотреть, с какой тщательностью немцы готовятся к предстоящему штурму.

При должной организации обороны держаться в крепости можно было долго. Пленные немцы утверждали, что в крепости большой запас продовольствия; имелась своя артезианская скважина, автономная система вентиляции.

– Немцы учли прежние ошибки, – продолжил Прохор. – Усилили гарнизон. К сожалению, мы не знаем внутреннее устройство форта и у нас нет плана помещений. Нужно хотя бы примерно представлять, из какого угла могут пальнуть или бросить гранату.

В городе установилось сравнительное затишье. И дело тут не только в том, что обе стороны, обессиленные беспрестанными сражениями, нуждались в покое – проходили интенсивные приготовления к грядущему бою, который по своему натиску и жестокости вряд ли будет уступать предыдущим сражениям. Где-то далеко, на южном направлении с немецкой стороны, зло затараторил пулемет, затем вдруг, опасаясь ответного усиленного огня, умолк.

– Кое-какой у нас опыт имеется, – возразил майор Велесов. – План внутренних помещений всех фортов очень схож. Вслепую не пойдем.

– Выявим разведкой боем систему прикрытия дотами наземных и подземных сооружений, разобьем их орудиями, а там вперед! – Глянув на часы, Бурмистров сказал: – Оперативное совещание через пятнадцать минут.

Дважды разведзвод при поддержке артиллерийского огня пытался подойти к стенам форта, чтобы выявить расположение огневых точек, но немцы, понимая, что это не штурм,

не раскрывали огневое прикрытие, а лишь отпугивали нападающих длинными пулеметными очередями и залпами из минометов.

Следовало подключить большие силы, немцы должны поверить, что наступление началось, – вот тогда встречным огнем будут выявлены все пулеметные и минометные гнезда.

На оперативное совещание подошли командиры взводов разведроты, приданных штурмовому подразделению, которым и предстояло провести разведку боем. Все три лейтенанта были разных возрастов. Одному едва миновало двадцать, белообрисому и нахальному, внешне напоминавшему хулиганского мальчишку (кто знает, возможно, таковым он и был в довоенной жизни), с орденом Красной Звезды на затертой гимнастерке, подчеркивающим, что он давно не юнец и боевого опыта у него вполне достаточно, чтобы командовать людьми значительно старше себя. Второму было далеко за тридцать: степенный мрачного вида, кроме двух орденов Славы III и II степени, еще две золотые нашивки за ранение. Третьему было лет сорок пять: худощавый, жилистый, чувствовалось, что в его сухих руках немало силы. Он выглядел бы помоложе, если бы не седая прядь на челке – след какого-то недавнего и очень глубокого переживания. Каждый из них прошел немалый боевой путь, находился на своем месте, и в своих взводах лейтенанты пользовались заслуженным уважением. В разведке существовал строгий отбор бойцов, выводивший на командные должности лучших, часто самых отчаянных воинов, на которых следовало равняться остальным.

Вместо сидений – ящики из-под снарядов да стопки кирпичей, сложенные друг на друга. Командиры взводов устроились на единственной уцелевшей скамье, плечом к плечу.

– Сегодня ночью идем на штурм форта. Но, прежде чем двинуться, нужно выявить систему огня форта, а также наиболее безопасные к нему подходы, – заговорил майор Бурмистров, внимательно посмотрев на сидевших перед ним командиров взводов. Сидели неподвижно, в лицах строгость, понимание ситуации. Умирать не впервой, дело привычное. – Первый взвод, лейтенанта Петухова, пойдет с северной стороны. Второй взвод, лейтенанта Галушина – с юго-восточной, а третий – лейтенанта Маркушина – с юго-западной. По данным нашей разведки, наибольшее сосредоточение огневой техники находится в юго-восточном направлении. Под прикрытием артиллерии нужно как можно ближе подойти к стенам и выявить все огневые точки. Непродуманный героизм ни к чему. Старайтесь по возможности сберечь людей. Побольше шумите, забрасывайте гранатами. Со всех сторон много укрытий: валуны, нагромождения камней, разбитая техника. У немцев должно создаться впечатление, что мы атакуем большими силами. Задача ясна?

– Когда приступать, товарищ майор?

– Через час сигнал к наступлению – две красные ракеты. В оставшееся время объяснить задачу личному составу и выходить на позиции. Я пойду с первым взводом. Можете быть свободны!

Командиры взводов дружно поднялись и вышли из помещения.

Майор Бурмистров глянул через щель в стене разрушенного одноэтажного дома на форт, казавшийся теперь мрачным темным пятном на фоне слежавшегося снега. Зрелище зловещее, неприятное. От темно-серого гранита веяло нешуточной угрозой.

Поблизости расположились бойцы первого разведвзвода: попрятались в глубокие воронки, затаились за обломками зданий, за покореженной техникой. На небе едва проглядывала узкой полоской ущербная луна. Ее рассеивающийся блеклый свет едва достигал поверхности земли, а потому город выглядел темным. Лишь едва заметными белесыми пятнами проступал на земле затоптанный, перепачканный порохом и грязью недавно выпавший снег.

Жахнули артиллерийские залпы полковой и дивизионной артиллерии. Обрушив всю свою мощь на стены здания форта «Радзивилл», артиллеристы подкатали пушки к крепости метров на триста и били по ней прямой наводкой. Саперы-химики запалили дымовые шашки, немедленно скрывшие черным дымом артиллерийские позиции.

Бойцы лишь плотнее вжались в землю и молили о том, чтобы у наводчиков не сбился прицел и выпущенные снаряды не попадали на их головы.

Гарнизон крепости, не желая выдавать огневые позиции, благоразумно отбрехивался короткими очередями. Пулеметные расчеты и артиллерийская прислуга попрятались в глубину крепости, вслушиваясь в разрывы. На бронированных колпаках разрывались снаряды, осколками брызгали мины, взрывались заложенные фугасы, пытаясь нанести увечья многометровым стенам. Но в темноте форт выглядел несокрушимым, казалось, что снаряды вовсе не причиняли ему ущерба.

Артиллерийские удары умолкли неожиданно. Майор Бурмистров почувствовал, как по жилам быстрее прежнего побежала кровь – наступал их черед действовать. С разницей в несколько секунд в воздух взлетели две красные ракеты, рассеивая вокруг себя искры.

Пора! Поднявшись, майор Бурмистров громко выкрикнул:

– В атаку!!!

Увидел, как следом поднялись еще несколько человек и, пригибаясь, стараясь не попасть под встречные пули, устремились вперед. Неподалеку раздался крики: обыкновенный злобный мат, прибавлявший каждому поднимавшемуся силы; призывы и проклятия, крики «Ура!», смешавшиеся и переросшие в одно протяжное: «А-а-а-а!!!»

С громким гулом пролетел снаряд и громыхнул где-то позади.

Бойцы, бегущие в атаку, что-то яростно кричали, и хрипловатый голос Прохора, сорванный на ночном морозе, влился в единодушный громкоголосый ор.

Стены форта вспыхнули многими огнями: длинными очередями стреляли станковые пулеметы, злобно перебивая друг друга, частили автоматы, а на крыше, еще какую-то минуту назад пустынной, замелькали тени, и сверху на головы наступающих, рассекая воздух нарастающим свистом, полетели мины.

Оставалось пробежать еще двадцать метров, пусть немцы раскроются, пусть выдадут все огневые точки. Крепко стиснув зубы, уверовав, что не убьют и что даже не будет ранен, Прохор ускорил бег, отмечая на стенах крепости и подле нее те места, откуда усиленно велся огонь.

Добежав до покоренного орудия, спрятался за бронированный лафет. В его сторону густо и зло ударили несколько тяжелых пуль. Рядом, тяжело дыша, шумно плюхнулся лейтенант Петухов. На щеке кровь.

– Быстро вы бежите, товарищ майор, за вами и не угнаться.

– Так я не от врага бегу, а на него, – усмехнулся Бурмистров. – Что у тебя со щекой? Не ранен?

– Зацепило, зараза, – пожаловался лейтенант. И, пытаясь изобразить улыбку, пошутил: – Как же я теперь жениться буду?

Достал из кармана перевязочный индивидуальный пакет, разорвал прорезиненную оболочку, вытащил из него бинт с подушечкой, умело и привычно забинтовал рану.

– Такой красивый и молодой, как ты, всегда деваху найдет, – заверил Прохор, посмотрев на стену. Интенсивность пулеметного огня спала. Перед крепостью тоже ни души – все залегли, но вспыхнувшие ракеты, надолго зависшие в воздухе на крошечных парашютах, продолжали высвечивать каждый уголок перед стенами, выдавая жертв. – Ты главное женилку побереги!

Бойцы затаились: ни шороха, ни движения.

– Девка моя в селе осталась, – посетовал Петухов. – Так мы даже с ней того... ни разу и не спали. Щупать только себя позволяла да целовать иной раз, – неожиданно разоткровенничался лейтенант.

– Сейчас она жалеет, что такого braveго офицера ни с чем отпустила!

– Возможно... Последний раз, когда на побывке был, сразу после ранения к ней заехал. Так она мне на шею бросилась. Говорит: «Только тебя миленького и ждала. Если желаешь, хоть сейчас меня бери». А я говорю, как вернусь, так и случится. Дождаться она меня должна. А вот

сейчас думаю, что зря отказал ей. Не почувствуй я во время бега пулю, не уклонись малость, так меня бы сейчас и не было.

– Девушкам отказывать нельзя... Как ее зовут?

– Люся.

– Людмила, значит. Не переживай, женишься ты на своей ненаглядной. Главное, чтобы уцелел. А это и не рана вовсе, а царапина!

Осветительные ракеты погасли. Ночь стала еще темнее. Только на восточной стороне Познани сумрачное темное небо подсвечивалось заревом пожарища. Поставленная задача была выполнена. Немцы, поверив, что русские штурмуют крепость всерьез, раскрыли огневую систему прикрытия. Можно было отходить. С позиций взлетела зеленая ракета, давая сигнал к отступлению.

Разведчики отползали медленно, всякий раз зарывались лицом в холодную землю, смешанную с колючим снегом, и лежали не шевелясь, уткнувшись лицом в обожженную землю, до тех пор, пока осветительная ракета не прогорит до последней искры. Убедившись, что кругом потемки, вновь ползли в сторону своих позиций.

Дважды Прохор наталкивался на убитых. Одного из них он хорошо знал, – три раза вместе ходили в разведку, – молчаливый обстоятельный мужик лет сорока. Пуля пробилась ему шею навывлет, и у него не было ни одного шанса выжить. А вот второй ему был незнаком, светло-волосый парень лет двадцати пяти. Осколки разорвавшейся мины глубоко вошли в его узкое лицо, обезобразив череп.

Вытащив у убитых бойцов «Книжку красноармейца», Бурмистров пополз дальше к позициям, уже просматривающимся в разрушенных домах.

Глава 7

Капитуляция форта «радзивилл»

На наблюдательном пункте полка кроме штабных офицеров присутствовали командиры штурмовых групп. Разместились за длинным столом, на котором была начерчена карта форта. Подполковник Крайнов выслушивал доклад разведчиков и лично наносил на схему места огневых точек.

Неожиданно для всех присутствующих во время доклада майора Бурмистрова в сопровождении двух автоматчиков из личной охраны в помещение штаба полка вошел командир дивизии генерал-майор Мотылевский. Офицеры дружно поднялись, громыхнув скамейками. Подполковник Крайнов был старшим по званию, он шагнул навстречу генералу и доложил:

– Товарищ генерал-майор, разведка боем выявила дополнительные пулеметные и минометные точки, а также наиболее слабые места в обороне противника. Наносим на схему форта местоположения выявленных огневых точек, а также тип вооружения. Помечаем наиболее удобные подходы к форту и благоприятные места для штурма крепости.

– Садитесь, – разрешил Мотылевский. Расстегнул толстый бушлат, под которым просматривались генеральские погоны. Подошел к столу и посмотрел на схему «Радзивилла»; на разложенные фотографии, запечатлевшие форт с разных сторон и под различными углами; на снимки крепости, полученные авиаразведкой. – Хороший снимок, все как на ладони видно. – Генерал поднял одну из фотографий и принялся рассматривать.

– Так точно, товарищ генерал-майор!

– Я тут у вас в сторонке посижу послушаю. На чем остановились?

– Час назад прибыла пешая разведка. Майор Бурмистров рассказывал о результатах разведки боем. Он хорошо знаком с обстановкой на местности. Именно поэтому было решено возложить на него и капитана Велесова захват крепости «Радзивилл».

– Все ясно. Продолжайте, товарищ майор.

– Продвижению штурмовой пехоты мешает бетонированный дот. Его нужно взорвать. Уверен, что эта задача по плечу для небольшой группы саперов... Товарищ капитан, – обратился Бурмистров к командиру саперной роты дивизии капитану Мулындину. – Есть тропа, по которой ночью можно подойти к доту вплотную и взорвать его... Вот здесь и здесь, – ткнул Бурмистров карандашом на фотоснимок, – ров сильно обсыпался. Через него могут пройти самоходки и танки. Под прикрытием артиллерии они выйдут к главному входу крепости. С этого места очень хорошо видна западная минометная позиция немцев, ее смогут расстрелять танки.

– Эта задача для ваших танков, товарищ Игонин, – глянул Крайнов на смугловатого крепкого капитана.

– Сделаем! – озорно отозвался танкист.

– Немецкие минометные позиции перед главными воротами имеют только пулеметное прикрытие. Их уничтожение тоже задача для нескольких танков... Остальные танки выходят к восточному каземату. Есть еще одно задание для саперов, уже посложнее... С южного каземата немцы простреливают позиции нашего батальона на северной и северо-восточной стороне. Ваша задача уничтожить пулеметные амбразуры казематов.

– У вас есть предложение, как это сделать наилучшим образом? – спросил Мулындин.

– С наступлением ночи нужно выдвинуться к форту и подложить под амбразуры взрывчатку. Напротив крепости в развалинах будут стоять три замаскированных стопятидесятидвухмиллиметровых орудия, а в этих кустарниках еще два, – прочертил Бурмистров небольшой участок на схеме острозаточенным карандашом. – Они будут бить прямой наводкой по крепо-

сти и ослеплять огневые точки противника, когда саперы станут подходить к крепости и закладывать под стену фугас. Пехота тем временем будет подползать поближе к крепости, чтобы поддержать штурмовиков.

– Задача выполняемая, – согласился капитан. – Подойдет длинный заряд килограммов на пятьдесят. Подложим прямо под стену. Стена разлетится на куски.

– Прикрывать вас будет отделение автоматчиков. – Бурмистров посмотрел на капитана Велесова, сидевшего на скамье рядом. – Ввиду важности операции я и небольшая группа штурмовиков выдвинемся вместе с саперами и после взрыва ворвемся через проем в помещение форта и закрепимся там до подхода пехоты.

– Ну а тяжелая артиллерия? – спросил генерал Мотылевский.

– Без нее нам не справиться, товарищ генерал-майор. Как только немцы услышат взрыв в форте, так тотчас начнут палить из всех орудий по наступающим. А вот дальше слово за вами, – повернулся Бурмистров к командиру полковой артиллерии. – Нужно долбить артиллерией по всем амбразурам и желательно подавить ее всю!

– Задумка неплохая, – согласился генерал. – Место для артиллерии тоже выбрано удачно. Только нужно еще заложить фугасы и в углах главных ворот. Взрыв должен быть сильным, чтобы проем получился пошире. – Выдержав недолгую паузу, генерал продолжил: – Без химиков-дымовиков тут не обойтись. Используйте их поактивнее.

– Есть, использовать активнее!

– А где капитан Ринченков? – Мотылевский обвел взглядом собравшихся.

– Я здесь, товарищ генерал-майор, – немедленно поднялся из затемненного угла командир отряда подрывников.

– Попробуйте расколотить крышу форта. И усильте свое подразделение огнеметчиками. В закрытых и труднопроходимых помещениях форта они будут весьма полезны. И еще... Сигнал к взрыву дота – три красные ракеты! Его подрыв будет означать общий штурм «Радзивилла»!

* * *

Ближе к двенадцати ночи саперы выбрались из подвала разрушенного трехэтажного здания, служившего разделительной полосой между советскими и немецкими позициями, и нырнули в темень, волоча за собой блоки удлиненного заряда. По обе стороны от саперов, держа их в пределах визуального наблюдения, выдвинулся взвод штурмовиков, который возглавлял майор Бурмистров.

Кругом ночное затишье, только иной раз взлетали осветительные ракеты, ярко освещая территорию перед стенами форта. После того как они прогорали, пространство вокруг вновь погружалось во мрак, становившийся все темнее и гуще.

Саперы, груженные взрывчаткой, ненадолго остановились перед рядами колючей проволоки, где ночью в заграждениях был сделан лаз, и, стараясь не цепляться о торчащие металлические колючки, двинулись напрямик к доту, стоявшему на пути наступления.

Долговременная огневая точка пряталась в кустах – со стороны не так-то просто ее рассмотреть. Подле стены нес службу изрядно продрогший караульный. Ночной морозец все более крепчал, причиняя ему немалые неудобства. Чтобы совсем не околеть, часовой активно шевелил плечами, похлопывал рукой замерзшие части тела. Пилотка натянута на самые уши, горло повязано широким шарфом.

Трое бойцов штурмового отряда заползли с боковой стороны дота и, затаившись, стали выжидать подходящий момент. Со стороны крепости послышался металлический стук, на мгновение отвлекший караульного. И в этот же момент из-за валуна, рассекая кинжалом воздух, на часового прыгнул Степаненко. Часовой умер еще до того, как упал на землю. На вдохе

он почувствовал, как холодная сталь, разодрав шинель и раздвинув ребра, глубоко вошла в левую сторону грудной клетки. Сил для выдоха у него не оставалось, как не было возможности смежить глаза. Часовой повалился на бок, его глаза безучастно смотрели на то, как из неглубокого рва выползли четверо советских бойцов и по-деловому стали прикладывать длинную гибкую трубку в основании дота.

Быстро и без суеты саперы присоединили капсюль к трубке, заполненной взрывчатым веществом, металлические обоймы, электродетонатор, закрепили провода и тотчас попрятались за гранитные валуны.

Ожидание тянулось медленно. Положив ладонь на конденсаторную подрывную машинку, капитан Мулындин ждал сигнала на подрыв.

Майор Бурмистров поглядывал по сторонам. Угроза отсутствовала. Все было тихо. Но могли хватиться часового, лежавшего бездыханным под гранитным камнем. Прохор посветил фонариком на позиции, подавая сигнал: «К подрыву готовы». Однако начальство не торопилось давать команду взрывать. Но его тоже можно понять – подтягивает пехоту поближе к форту, чтобы взять его одним махом. При повторном штурме потери будут намного больше, а потому форт следует взять сразу. Своим острым зрением Прохор увидел, как артиллеристы подкатывают к первой линии обороны противника орудия. Значит, будут бить прямой наводкой по стенам форта, чтобы наверняка произвести как можно больше разрушений.

Сигнал к взрыву должен прозвучать с минуты на минуту, и Бурмистров невольно принялся отсчитывать долгие секунды: «Один, два...» На семнадцатой секунде три красные ракеты почти одновременно взлетели над позициями, окрасив в багровый цвет стволы гаубиц.

– Не подведи, моя хорошая, – проговорил Мулындин и повернул приводную ручку, осуществляя заряд конденсатора. На приборе мгновенно вспыхнула сигнальная лампа, свидетельствующая о готовности к взрыву.

Прогоревшие ракеты не успели коснуться земли, как капитан Мулындин нажал на кнопку взрывателя. По электрической цепи мгновенно пробежал разряд и взорвал электродетонаторы взрывчатого вещества. Прогремел сильнейший взрыв, расколовший монолитную конструкцию дота на многие фрагменты. По сторонам разлетелись куски бетона, деревянные балки, обломки железа, многочисленное тряпье и куски окровавленной плоти, которые еще мгновение назад назывались пулеметным расчетом.

Прогремевший взрыв дал сигнал к началу штурма форта. Тяжело и часто заработала батарея гаубиц, к ней в слаженном ритме присоединилась полковая и батальонная артиллерия. Ночь со свистом рассекали трассирующие пули, натываясь на гранитную преграду, они раскалывались на искрящиеся брызги и сгорали в воздухе.

– Поддержи! Нужно заложить фугасы! – выкрикнул капитан Ринченков.

– Следуйте за нами! – выкрикнул в ответ майор Бурмистров, расчищая автоматным огнем дорогу к форту. – Мы вас прикроем!

Позади рваным бегом, прячась в клубах дымовой завесы, двинулась лавиной пехота: она то залегала, а то вдруг совершала короткие пробежки, но неумолимо двигалась вперед.

Артиллерия продолжала усиливать огневую мощь, подавляла вспыхивающие огневые точки, давала возможность пехоте продвинуться дальше. Штурмовые отряды преодолели гранитные валуны, пробежали через широкую полосу разросшихся кустов и залегли недалеко от рва.

Стены крепости были настолько крепкими, что снаряды полковых пушек отскакивали от них, как сухой горох, не причиняя гранитному булыжнику особого вреда. Только гаубицы, чьи тяжелые снаряды были нацелены на амбразуры, камень за камнем разбивали и раскалывали гранитную кладку, проникали все дальше в глубину форта.

Штурмовой взвод беспрестанным автоматным огнем бил по окнам, не давая немцам высунуться, забрасывал в амбразуры гранаты. На какое-то время пальба из окон поутихла, но стоило штурмовикам попытаться подойти ближе, как стрельба возобновилась с прежней силой.

Через разрушенный дот, примыкавший к стене, в сопровождении штурмового взвода к воротам форта выдвинулся отряд подрывников, нагруженных взрывчаткой и горючей смесью. Двигались медленно, с трудом преодолевая огневое заграждение.

Подрывники подползли к форту. В основании здания и в углах главных ворот уложили трубки, начиненные взрывчаткой, и отступили на значительное расстояние.

– О чем ты сейчас думаешь? – неожиданно спросил Бурмистров, всматриваясь в ожесточенное лицо капитана Ринченкова, держащего приводную ручку.

– Думаешь, о Боге? Да хрен там! Думаю, сколько я сейчас фрицев уничтожу, а мне есть за что мстить!

Прогремел взрыв. В стене форта образовался проем в несколько квадратных метров. Ворота, сорванные взрывом, лежали на земле. Тяжелая артиллерия, завершая начатое, расширила дыру до высоты второго этажа, предоставляя наступающим возможность проникнуть в глубину форта.

– Вперед! – выкрикнул Бурмистров и швырнул в проем гранату. Не дожидаясь, когда рассеется дым и уляжется поднятая пыль, вбежал в форт и через плотное облако дал длинную автоматную очередь слева направо. Следом шумно, цепляясь носками сапог о битый кирпич, в помещение форта ворвалась штурмовая группа. В ответ раздались беспорядочные свинцовые очереди, смачно разбивающие штукатурку на противоположной стене, рикошетившие от потолка, норовившие сбить с ног.

Через рассеивающуюся дымовую завесу были видны нечеткие силуэты немцев, пытавшихся перегруппироваться и организовать контратаку. Снизу к ним подтягивались автоматчики, чтобы вытеснить штурмовую группу русских, сумевших проникнуть в форт. «А вот это у вас не выйдет!» – зло думал Бурмистров, командуя:

– Селезнев, закрепиться на позициях.

– Есть, закрепиться! – раздался задорный голос комроты.

Штурмовики, спрятавшись за перекрытия, рухнувшие со второго этажа, заблокировали проем и вели плотный встречный огонь. Пороховые газы наполняли помещение едким дымом. Пахло жженым порохом, нарастающий грохот лупил по барабанным перепонкам, а снаружи, не сбавляя натиска, по форту долбила гаубичная артиллерия. Каждое точное попадание снаряда сотрясало здание.

Немцы подтаскивали бетонные плиты, сбрасывали их в лестничные пролеты на штурмующих. Отступать им было некуда – бились с отчаянностью обреченных. Рядом, громко вскрикнув, упал боец из первой роты. Уже не подняться, пуля угодила в основание шеи. С правой стороны рухнул второй. Через громкое беспрестанное стрекотание автоматных очередей Бурмистров вдруг услышал глуховатый стук о каменную поверхность. Звук цилиндрического тяжелого предмета, скатывающегося по каменным ступенькам, не спутаешь ни с каким другим. Повернувшись, Прохор в трех шагах от себя увидел немецкую осколочную противопехотную ручную гранату с длинной деревянной ручкой и понял, что в запасе у него не более трех секунд. И тут в одно мгновение он осознал, что время для него остановилось, он даже перестал прислушиваться к шуму боя, звучавшего отовсюду, – вселенная сжалась до размеров небольшого уголка комнаты, где застыла граната. Пнув ее, Бурмистров тотчас бросился на пол, закрывая голову руками. Успел увидеть, как граната зависла в воздухе, а потом прозвучал взрыв, вместе с которым в каменную кладку, отчаявшись его уничтожить, ударили десятки мелких осколков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.